

Виктор
ЛИНБЕРГ

Любовь,

УТКА

И ПОЖАРЫ

18+

Витта Линберг

Любовь, утка и пожары

<https://litres.ru/74451174>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Регламент МЧС не предусматривает деликатное вскрытие замков шпильками и нежные уговоры, когда у вас из окна валит черный дым, — пророкотал этот двухметровый шкаф в обгоревшей боёвке.

— Вы выдрали мою входную дверь с корнем! Уничтожили заварной крем! Из-за вас я пропустила контракт века! Как вас зовут, товарищ крушитель? Я буду жаловаться министру! Президенту! В соцсети напишу!

— Майор Громов. Начальник караула. Жалуйтесь куда хотите, утка. Ваше законное право. А пока — подпишите протокол.

Я — Влада Леонова, профессиональный кондитер и без пяти минут владелица сладкой империи. По крайней мере, я так думала, пока обычная заклинившая балконная дверь и пригоревшая карамель не превратили мою хрущевку в филиал ада. Меня эвакуировали, выселили из квартиры, а мой идеальный торт пал жертвой химической пены. Теперь у меня есть контракт на миллионы, четырнадцать часов на выпечку пятидесяти тортов и... тотальное отсутствие крыши над головой. Но разгрести это всё придётся Громову.

Содержание

Глава 1. Идеальный «Наполеон» и неидеальный замок	5
Глава 2. Сиди мирно, утка!	11
Глава 3. Чемоданное настроение и кастинг на обочине	18
Глава 4. Подарок от Алексея	27
Глава 5. Мучные сугробы и пакт о ненападении	36
Глава 6. Операция «Эвакуация торта» и сломанная шпилька	44
Глава 7. Эскорт специального назначения	52
Глава 8. Сладкий триумф и горький кофе	59
Глава 9. Пакт о временном ненападении и финансовые маневры	67
Глава 10. Курс выживания и искры из глаз	76
Глава 11. Мука, бицепсы и тактический замес	83
Глава 12. Флагманский триумф и генерал на горизонте	89
Глава 13. Ревность со вкусом ванили и генеральский гнев	99
Глава 14. Кондитерский камуфляж и битва за стерильность	106
Глава 15. Запах преступления и тактический отпор	112

Глава 16. Десерт без муки и новые вводные	120
Глава 17. Тяжелая артиллерия в Гранд-Отеле	127
Глава 18. Тактический блеф и цена облегчения	135
Глава	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Витта Линберг

Любовь, утка и пожары

Глава 1. Идеальный «Наполеон» и неидеальный замок

Если бы мне кто-нибудь сказал, что вся моя дальнейшая жизнь, карьерные перспективы и ментальное здоровье будут зависеть от поведения обычного слоеного теста, я бы... Ну, для начала я бы проверила у этого человека регистрацию в психиатрической лечебнице. А потом, скорее всего, уткнулась бы ему в плечо и разрыдалась. Потому что прямо сейчас на кону стоял контракт века — поставка моих авторских десертов в крупнейшую сеть кофеен города «Шоко-Латте».

— Так, Леонова, выдохни. Ты богиня венчиков и повелительница духовок. Ты сможешь, — бормотала я себе под нос, ожесточенно взбивая заварной крем.

Венчик миксера мелькал со скоростью пропеллера ухаживающего за Карлсоном вертолета. Текстура должна быть шелковой. Воздушной, как легкое утреннее облачко, а не как та жижа, которую подают в привокзальных буфетах. Кастинг у руководства сети через три часа, а у меня еще конь не валялся в десертных стаканчиках. Точнее, конь-то, может, и

валялся, а вот коржи для «Наполеона» требовали срочной эвакуации из жара.

Дзинь!— радостно известил кухонный таймер.

Я легким движением фокусника выдернула противень. По кухне мгновенно поплыл умопомрачительный аромат карамелизированного сахара, топленого масла и капельки ванили. За этот запах можно было продать душу, но мне требовалось продать десерты. И тут возникала технологическая загвоздка: чтобы крем не поплыл и не превратил кондитерский шедевр в унылое болото, коржи нужно было остудить за наносекунду. В моей съемной хрущевке функция шоковой заморозки отсутствовала по причине общего преклонного возраста самой квартиры, зато за окном бодрили законные октябрьские плюс восемь.

Подхватив горячий противень прихватками с принтом жизнерадостных желтых уток, я изящным пинком бедра распахнула балконную дверь. Стоит отдать ей должное: крашеная в сто слоев белой эмали деревянная конструкция поддалась на удивление легко. Я выскочила на свежий воздух, водрузила коржи на хлипкий пластиковый столик и зажмурилась от удовольствия, подставив лицо прохладному ветру. Из серии «минутка релакса перед штормом».

Щелк.

Звук за спиной был тихим. Но в тишине осеннего двора он прозвучал для меня как щелчок взводимого курка.

Я резко развернулась, едва не задев локтем остываю-

щий «Наполеон». Старая шпингалетная ручка двери плавно, словно в замедленной съемке, опустилась вниз. Сама по себе. Будто ее потянул какой-то невидимый призрак-сладко-ежка, решивший запереть меня на свежем воздухе.

— Эй! Нет-нет-нет, только не это! — я рванулась к стеклу и дернула ручку на себя.

Дверь даже не шелохнулась. Я потянула сильнее, пальцы соскользнули с гладкого пластика, оставив на нем жирный след от крема. Замок заклинило со всей пролетарской решительностью. Намертво.

— Да ладно! Вы издеваетесь?! — я со всей силы забарабанила кулаками по стеклу. — Откройся, сим-сим! Сезам, блин! Пожалуйста!

Ноль эмоций. Хрущевка хранила гордое молчание. Ситуация стремительно приобретала черты фарса с элементами триллера. Я заперта на балконе четвертого этажа. Мобильный телефон остался на кухонном столе, прямо рядом с миской остывающего крема. Из одежды на мне — микроскопические шелковые шорты и свободная майка. Тоже с уточками. Видимо, эта птичья банда решила меня сегодня докона-ть. Гусиная кожа мгновенно покрыла ноги, а пальцы на ногах сиротливо подогнулись на холодном бетонном полу.

Ладно, замерзнуть насмерть под бодрые крики чаек я бы не успела. Но настоящий, липкий ужас накрыл меня ровно через три минуты, когда из кухонной вытяжки в окно повалил плотный, сизый, абсолютно неаппетитный дым.

О боги. Второе кондитерское кольцо. Я же оставила на плите топиться сахар для карамели! Забыла выключить конфорку на радостях!

— Помогите! Квартира горит! — истошно заорала я, высунувшись с балкона во двор, как заправская Джульетта, только в пижаме и с перспективой обугливания.

Двор, как назло, вымер. Ни мамочек с колясками, ни местных алкоголиков, обычно дежурящих у подъезда с утра. Единственным живым существом в радиусе ста метров была благообразная старушка, которая меланхолично тащила за собой сумку-тележку на колесиках.

— Бабуля! Пожар! — сорвала я голос, отчаянно размахивая руками. — Вызовите пожарных! Четвертый этаж, сорок вторая квартира! Горим!

Старушка остановилась. Медленно подняла голову. Посмотрела на меня, потом на дым, струящийся из форточки, затем перекрестилась и так же неторопливо двинулась дальше. Надеюсь, она пошла искать таксофон, а не просто решила, что это кара небесная за мои грехи.

Тем временем дым внутри кухни сгущался, приобретая зловещий антрацитовый оттенок. Мой идеальный заварной крем скрылся в тумане, как ежик. И тут, апофеозом моей кулинарной катастрофы, под потолком истошно завывала пожарная сигнализация. Противно, на одной ультразвуковой ноте, от которой сводило челюсти. Я прижала ладони к ушам, прыгая с ноги на ногу от холода и подступающей истерики.

Залог за квартиру! Если сгорит этот чертов шпон и линолеум, хозяин меня кастрирует без наркоза. А если я пропущу кастинг — я сама себя закатаю в асфальт.

Прошло минут десять. За это время я успела проклясть день, когда решила стать кондитером, изобретателя балконных замков и лично Олега Степановича — владельца этого хрущевского филиала ада. Зубы отбивали чечетку в ритме страстного танго, а кончик носа, судя по ощущениям, уже светился в темноте спелой клюквой.

Вдруг внизу, у арки дома, взвизгнули тормоза. Огромная красная машина с включенной люстрой и воем сирены эффектно притерлась к бордюру. Из нее, словно десантники в фильмах Майкла Бэя, начали высыпать мужчины в тяжелой защитной экипировке. Они действовали так четко и быстро, что у меня на секунду отвисла челюсть.

Один из них — самый широкий, настоящий шкаф трехстворчатый, в каске с зеркальным забралом — затормозил прямо под моим балконом. Он закинул голову назад, и мы встретились взглядами. Даже через расстояние четырех этажей я почувствовала, как меня буквально пригвоздило к бетонным плитам его тяжелым, недовольным взором. Мужчина поднял руку, поправил рацию на плече и что-то скомандовал остальным.

— Квартира сорок два! — закричала я, перевешиваясь через перила так сильно, что едва не перекувыркнулась вниз. — Дверь входную ломайте, замок на балконе заклинило!

Только плиту выключите, там сахар горит!

Мужчина в каске ничего не ответил. Он лишь ожёг меня еще одним коротким, убийственным взглядом, развернулся и размашистой, уверенной походкой командира пошел к моему подъезду. По его спине было отчетливо видно: он считает меня круглой душой. И, честно говоря, в этот момент я была с ним абсолютно согласна.

Где-то через пару минут в недрах подъезда раздался такой страшный, оглушительный грохот, будто туда врезался товарный поезд. Крякнуло дерево, звякнул металл. Моя новенькая входная дверь, за которую я тряслась больше, чем за собственное здоровье, только что приказала долго жить.

Прощай, залог. Здравствуй, жизнь на вокзале.

Прошло еще тридцать секунд, и сквозь задымленное стекло кухни я наконец увидела силуэт, приближающийся к балконной ловушке. Дым внутри стоял такой, что хоть топор вешай. Кстати, о топорах... Силуэт держал в руках огромный, хищно поблескивающий пожарный колун.

Я сглотнула и на всякий случай зажмурилась.

Глава 2. Сиди мирно, утка!

Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные круги. *Господи, мамочка, мамуля, только бы этот дровосек не разнёс мне всю квартиру!*

Вместо звона бьющегося стекла из глубины задымленной кухни раздался оглушительный, победный треск. Моя новенькая входная дверь, за которую я тряслась больше, чем за собственное здоровье, только что приказала долго жить под ударами пожарного колуна.

Прощай, залог за три месяца. Здравствуй, жизнь на вокзале.

Через пару секунд сквозь задымленное стекло балконной двери я увидела приближающийся силуэт. Он двигался быстро, несмотря на тяжелую экипировку. Раздался громкий щелчок выключаемой плиты, пшик огнетушителя, а затем силуэт вплотную подошел к балкону.

Огромная, обтянутая в брезентовую перчатку ручища легла на внешнюю ручку. Мужчина дернул её вверх, нажал плечом — старое заклинившее дерево жалобно хрустнуло, сдаваясь под напором грубой физической силы, и дверь наконец-то распахнулась.

Дым из кухни хлынул наружу, заставив меня судорожно закашляться. Спасатель легким, привычным движением сорвал дыхательную маску с лица. Я наконец-то смогла рас-

смотреть своего избавителя.

Мамочки. Он был не просто крупным. Он казался деталью какого-то сурового мужского памятника, которую случайно забыли на моей кухне. Из-под каски со светящимися полосами на меня смотрели глаза цвета грозового неба — холодные, невероятно уставшие и очень, очень злые. На вид ему было около тридцати двух. Жесткая, словно высеченная из гранита линия челюсти, трехдневная щетина, покрытая легким налетом копоты, и абсолютное, пугающее спокойствие профессионала.

— Пострадавшая? — его голос прозвучал как раскат грома. Низкий, рокочущий бас, от которого у меня внутри, где-то в районе желудка, мелко и испуганно завибрировало. — Травмы, ожоги есть? На что жалуемся?

— Д-дверь... — простучала я зубами, указывая пальцем вглубь коридора, откуда всё еще доносилось эхо разрушения. — Моя входная дверь. И крем. И залог...

Он даже не повернул головы в сторону коридора. Вместо этого его взгляд медленно, неторопливо скользнул по мне сверху вниз. По моим голым, покрытым пупырышками от холода ногам. По шелковым шортам, которые от ветра прилипли к бедрам. По свободной майке с надписью «Sweet Boss» и стройным рядам нарисованных желтых уток. На мгновение в его серых глазах мелькнуло что-то похожее на глубокое человеческое недоумение, но он тут же взял себя в руки.

— Понял. Эвакуируем, — коротко бросил он, делая ко мне шаг на балкон. Один-единственный, но после него странства здесь не осталось вообще.

— Подождите! Какая эвакуация?! Там карамель! — взвизгнула я, когда его рука бесцеремонно легла мне на талию. — Мужчина, пустите! У меня кастинг через три часа! Я сама дойду!

— Тихо, — припечатал он. От этого тона мне мгновенно, впервые в жизни, захотелось вытянуться по стойке «смирно». — В помещении сильное задымление. Продукты горения токсичны. Назад.

Он не просто меня взял. Он меня перекинул через плечо, как мешок с мукой высшего сорта. Или как дефицитный окорок. Моя голова оказалась где-то в районе его поясницы, лицом к его необъятной спине, а перед глазами замелькали огромные форменные штаны и тяжелые берцы. Он уверенно развернулся и зашагал обратно в кухню.

— Пустите! Я сама ходить умею! У меня вестибулярный аппарат слабый! Вы мне спину сломаете! — колотила я кулаками по его каменной лопатке. С тем же успехом я могла бы стучать по бронетанковому люку. Единственное, чего я добилась — отбила себе запястья.

— Не сломаю. Сиди мирно, утка, — буркнул он куда-то в сторону.

В кухне двое его парней в таких же костюмах уже вовсю проветривали помещение. Из облака белой пыли вынырнуло

веселое лицо помоложе:

— Командир, очаг локализован! Горел сахар в металлической посуде. Пострадавших, кроме кастрюли и репутации повара, нет.

— Проветривайте и проверяйте перекрытия, — бросил мой конвоир, не снижая скорости и даже не запыхавшись под моим весом.

Он вынес меня в коридор, безжалостно прошагал мимо живописного крошева из шпона и щепок, которое раньше было моей дверью, и выставил меня прямо на лестничную площадку. К лифту.

Только здесь он наконец опустил меня на грешную, холодную плитку. Я покачнулась, едва не запутавшись в собственных ногах, и тут же судорожно ухватила за перила, поправляя сползшую майку.

— Вы... вы... — задыхалась я от возмущения и прилива крови к голове, глядя на него снизу вверх. При моем росте в метр 60 этот человек казался двухметровой кирпичной стеной. — Вы варвар! Вы зачем дверь с корнем выдрали?! Там же просто замок на балконе заклинило! Можно же было шпилькой аккуратно подковырнуть входную! Или через соседей!

Мужчина медленно снял тяжелые перчатки, заткнул их за пояс и устало потер переносицу. На его лице остался отчетливый черный след от сажи, сделавший его и без того суровый профиль похожим на лицо вождя краснокожих на тропе

войны.

— Девушка, — его голос упал еще на пару октав, став пугающе тихим. — Регламент МЧС при угрозе возгорания в жилом фонде не предусматривает деликатное вскрытие замков шпильками, заколками и нежными уговорами. Был вызов от очевидцев. Был черный дым из окна. Была прямая угроза жизни гражданского лица. То есть вашей. Мы устранили угрозу. Вопросы?

— Вы устранили мой залог за квартиру! — я почти перешла на ультразвук. Плевать, что из соседних квартир уже начали высовываться любопытные носы старожилов нашего подъезда. — Олег Степанович меня выселит сегодня же! А кофейни? Мой «Наполеон»! Вы видели, что ваш юный поджигатель сделал с моей кухней?! Там же все в этой вашей белой пене! Мой крем маскарпоне теперь выглядит как место преступления в химической лаборатории! Вы его уничтожили!

Спасатель замер. Он посмотрел на меня так, будто я была редким видом говорящего долгоносика.

— Вы сейчас серьезно переживаете из-за торта? — вкрадчиво, с явной угрозой в голосе спросил он. — Я не ослышался? Вы могли задохнуться угарным газом на этом триклятом балконе через десять минут, если бы огонь перекинулся на занавески. Но вас, шторм меня раздери, волнует кондитерский крем?

— Да, меня волнует крем! Потому что этот крем — мой

единственный билет в нормальную жизнь, а не под тепло-трассу! — я яростно скрестила руки на груди, пытаюсь унять дрожь. Меня колотило уже не от холода, а от бешеного адреналина. — Вы растоптали мою единственную цветущую герань на подоконнике, когда открывали окно для проветривания! Вы превратили мою жизнь в филиал апокалипсиса за пять минут! Как вас вообще зовут, товарищ крушитель? Я буду жаловаться! Напишу вашему министру! Президенту напишу!

На его губах — клянусь, на долю секунды — мелькнула тень ироничной, чисто мужской усмешки, которая сделала его лицо пугающе привлекательным. Но он тут же вернул себе выражение гранитной плиты.

— Майор Громов, — четко чеканя каждое слово, представился он. Шагнул ко мне так близко, что я полностью оказалась в его тени. От него пахло гарью, морозным осенним воздухом и каким-то очень дорогим, едва уловимым мужским парфюмом с древесными нотами. — Глеб Юрьевич. Начальник караула. Жалуйтесь куда хотите, утка. Ваше законное право. А пока — будьте любезны, зафиксируйте факт отсутствия претензий к здоровью и подпишите протокол.

Он выудил из планшета на груди слегка засаленный бланк и протянул мне шариковую ручку. Потрепанную, с погрызенным колпачком.

Я выхватила ручку из его огромных пальцев, едва не сломав свой свежий маникюр, и размашисто поставила авто-

граф.

— Влада Леонова! Запомните это имя, майор Громов! Вы обо мне еще услышите! Я вам этот крем еще припомню!

— Очень надеюсь, что наши жизненные пути больше не пересекутся, — абсолютно спокойно ответил Глеб Юрьевич, забирая планшет. — Нам одного вызова к сумасшедшим кондитерам в квартал обычно выше крыши хватает. Ребята, сворачиваемся, тут ложная тревога. Плита потушена, утки целы.

Он развернулся на пятках и пошел вниз по лестнице, даже не удостоив меня финальным взглядом. Его команда двинулась следом, демонстративно пряча широкие ухмылки в воротники боёвок.

А я осталась стоять на холодной плитке подъезда. В одних шёлковых шортах, с синим носом, без единого шанса успеть на кастинг, с уничтоженным «Наполеоном» и — самое главное — без единого намека на входную дверь. Из моей квартиры теперь открывался прекрасный, панорамный вид на лестничную клетку.

В этот самый момент телефон истошно заорал мелодией, поставленной на одного конкретного человека. Я уже знала, что на экране высветилось имя, от которого у меня подкосились коленки: «Олег Степанович Лэндлорд».

— Ну вот и все, — прошептала я, медленно сползая по побеленной стене подъезда прямо на пол. — Конец кондитерской империи.

Глава 3. Чемоданное настроение и кастинг на обочине

Разговор с Олегом Степановичем прошел в лучших традициях низкобюджетных театральных драм. Он не просто кричал — он исполнял арию оскорбленного в лучших чувствах собственника хрущевского фонда. Тот факт, что его «элитные апартаменты с дизайнерским ремонтом конца девяностых» едва не превратились в филиал крематория, довел мужчину до состояния тихого кипения, которое мгновенно вылилось на мою многострадальную голову.

Ультиматум был краток, как выстрел: два часа на сборы. Два часа, Влада, или я вызываю наряд полиции и тебя вышвыривают вместе с твоими венчиками и уточками. И плевать он хотел на то, что залог за три месяца вперед остался в его пухлых карманах в качестве «компенсации морального ущерба и стоимости новой двери».

Поэтому ровно через сто двадцать минут я сидела на автобусной остановке, сиротливо поджав ноги под себя. Мой мир сжался до размеров огромного пластикового чемодана на колесиках, в который я в панике запихала половину гардероба, и двух пузатых спортивных сумок. В одной из них, бережно завернутый в полотенца, ехал мой чудом уцелевший планетарный миксер — мое сердце, моя правая рука и

самый дорогой предмет в моей жизни. Во второй сиротливо громыхали кондитерские кольца, силиконовые лопатки и пара банок с кондитерскими посыпками.

— Ну и ладно. Ну и пожалуйста, — буркнула я себе под нос, шмыгая покрасневшим от холода носом. — Сильные женщины не плачут. Сильные женщины... придумывают, как выжить.

Октябрьский ветер со свистом пролетал под навесом остановки, заставляя меня кутаться в наспех наброшенное оверсайз-пальто. Из-под него все еще предательски виднелись шелковые шорты, а на ногах красовались наспех натянутые кроссовки. Выглядела я, мягко говоря, как капризная беженка из кондитерского рая.

Экран мобильного телефона укоризненно мигнул, показывая время: четырнадцать тридцать. Кастинг в главном офисе «Шоко-Латте» должен был начаться ровно через полчаса. Мой «Наполеон» остался лежать на балконном столике в полуразрушенной квартире Олега Степановича — я просто физически не смогла унести его вместе с чемоданами, да и крем, покрытый ровным слоем порошка из огнетушителя, больше напоминал строительную замазку.

— Всё пропало, Леонова. Империя пала, даже не успев построиться, — я уныло уронила голову на ладони.

В кармане снова завибрировало. Я вздрогнула, ожидая очередного потока проклятий, но на экране высветилось имя моей лучшей подруги: «Марта (Не брать, если занята)».

Марта была из тех людей, которые умудрялись сохранять оптимизм даже во время всемирного потопа, лениво подбирая купальник под цвет спасательного жилета.

— Владочка, привет! — защебетал в трубке ее звонкий голос, напрочь игнорируя гул проезжающих мимо машин. — Ну как ты? Ты уже на кастинге? Я тут держу за тебя кулачки, даже маникюр боюсь испортить! Руководство «Шоко-Латте» уже оценило твои шедевры?

— Марта... — я всхлипнула, и вся моя напускная броня сильной и независимой женщины мгновенно дала трещину. — Меня выселили.

— Чего?! — трубка на секунду оглохла, а потом выдала порцию чисто девичьего шока. — Как выселили? Куда? Этот старый хрыч совсем из ума выжил?

— Я едва не сожгла квартиру, — честно призналась я, размазывая слезы по щекам вместе с остатками утренней туши. — Топила сахар для карамели, меня заперло на балконе, приехал МЧС... точнее, приехал один конкретный МЧСник, который больше похож на Кинг-Конга в каске, выбил входную дверь, обозвал меня уткой и разрушил мою жизнь. Крем уничтожен, коржи погибли в неравном бою с угарным газом, а я сижу на остановке у метро с чемоданом. У меня через двадцать минут кастинг, Марта. А у меня из десертов — только дырка от бублика и разбитые мечты.

На том конце провода воцарилось молчание. Я прямо кожей чувствовала, как в блондинистой голове моей подруги

со скрипом закрутились шестеренки, выстраивая план спасения. Марта работала пиарщиком в крупном агентстве и к кризис-менеджменту относилась как к увлекательному квесту.

— Так, стоп, без паники, — ее голос мгновенно растерял всю свою легкомысленность. — Коржи погибли, говоришь? А заварной крем?

— Крем в пене от огнетушителя. Им можно только щели в стенах замазывать.

— Плохо. Но не смертельно, — отрезала Марта. — Слушай меня внимательно, Леонова. Руководитель «Шоко-Латте» — страшный зануда и педант, но он обожает две вещи: пунктуальность и... нестандартные ходы. Если ты просто не придешь — для тебя этот рынок закрыт навсегда. Тебя внесут в черный список ненадежных поставщиков.

— И что мне делать? Прийти и станцевать перед ними? Или предложить им пожевать мою пижаму с уточками?

— Ты поедешь туда прямо сейчас. С чемоданами. — В голосе Марты зазвучали металл и непреклонная решимость. — У тебя есть твоя харизма, твои рецепты в голове и... твои честные глаза. Ты зайдешь в кабинет и расскажешь всё как есть. Устроишь им шоу. Скажешь, что твои десерты настолько горячи, что ради них пришлось вызывать спецназ МЧС! Сделай из этого инфоповод, Влада!

— Марта, ты сумасшедшая, — прошептала я, но в груди внезапно затеплился крошечный, безумный огонек надеж-

ды. — Они меня засмеют.

— Поверь мне, в бизнесе выживают только сумасшедшие. Лови такси, я диктую адрес офиса. И не смей реветь! Сделай лицо дорогой женщины, которую просто временно подкосила коммунальная стихия!

Когда я повесила трубку, у меня внутри все дрожало. План Марты выглядел как чистое самоубийство, но сидеть на остановке и ждать, пока я превращусь в ледышку, было еще хуже.

Я решительно поднялась, перехватила поудобнее ручку тяжеленного чемодана и шагнула к краю тротуара, высматривая в потоке машин знакомые желтые огоньки такси. В этот момент мимо меня, обдав облаком холодного воздуха и брызгами из лужи (к счастью, пролетевшими мимо моих сумок), пронеслась огромная красная пожарная машина. Та самая. С тем самым номером караула на борту.

Сквозь стекло пассажирского сиденья я на долю секунды успела разглядеть суровый профиль майора Громова. Он смотрел прямо перед собой, сосредоточенный и далекий от проблем мирных гражданских уток.

— Ну уж нет, майор, — прорычала я сквозь зубы, провожая машину взглядом. — Вы не сломаете мою кондитерскую империю. Вызов действительно принят.

Такси подъехало через три минуты. Водитель-армянин с искренним сочувствием посмотрел на мои баулы, кондитерские кольца, торчащие из сумки, и мой боевой, но слегка за-

плаканный вид.

— Девушка, на вокзал едем, да? Муж бросил?

— Хуже, — буркнула я, забираясь на заднее сиденье и пытаясь унять дрожь в коленях. — МЧС помог. Едем в «Шоко-Латте». Будем завоевывать мир.

Офис крупной сети кофеен встретил меня зеркальным блеском панорамных окон, безупречным паркетом и высокомерным взглядом девушки на ресепшене. Она посмотрела на мой гигантский пластиковый чемодан так, словно я притащила в святая святых как минимум мешок с навозом.

— Девушка, вы к кому? У нас вход с крупногабаритным багажом через служебный дебаркадер, — ледяным тоном произнесла она, поправляя безупречное каре.

— Я Леонова Влада, у меня кастинг у господина Аристархова на пятнадцать ноль-ноль, — я постаралась придать своему голосу максимум твердости, хотя внутри всё сжималось в крошечный комочек. — Багаж останется здесь, у стойки. Поверьте, в нем ценности государственной важности. Если из этой сумки пропадет хоть один венчик, МЧС вызову, и вашей стойке не поздоровится.

Упоминание грозного ведомства, подкрепленное моим безумным взглядом и размазанной тушью, сработало безотказно. Секретарь сглотнула, поспешно закивала и указала на дверь лифта:

— Пятый этаж, кабинет пятьсот два. Вас ожидают.

В лифте я судорожно пыталась привести себя в порядок.

С помощью влажных салфеток стерла черные круги под глазами, пригладила растрепанные волосы и поглубже запахла пальто, чтобы скрыть дурацких уток на майке. Я должна была выглядеть как профессионал, который просто попал в форс-мажор.

Когда я вошла в кабинет пятьсот два, там уже сидели трое мужчин в строгих костюмах и две женщины с постными лицами — судя по всему, экспертная комиссия и сам генеральный директор. На столе перед ними стояли тарелки с десертами моих конкурентов: там были идеальные капкейки, блестящие муссовые пирожные и какие-то невероятно сложные шоколадные конструкции. Настоящая выставка кулинарного тщеславия.

— О, а вот и наша последняя участница, — сухо произнес мужчина в центре стола. Аркадий Аристархов, собственной персоной. Человек с лицом породистого сфинкса и взглядом, способным заморозить азот. — Задерживаетесь, кулинар Леонова. И... где же ваши конкурсные образцы? Насколько я вижу, ваши руки абсолютно пусты.

Все взгляды скрестились на мне. В кабинете повисла удушающая, звенящая тишина. Слышно было только, как за окном шумит город. На секунду мне безумно захотелось развернуться, выбежать из этого здания, забрать чемодан и уехать к маме в Саратов. Но образ сурового майора Громова, который выставил меня из собственной жизни, словно сломанную мебель, встал перед глазами.

Если я сдамся сейчас, он победил. Кто этот тот самый он, я ещё правда не решила.

Я сделала глубокий вдох, расправила плечи и сделала три шага вперед, остановившись прямо перед судейским столом.

— Мои образцы уничтожены, — четко, без единой дрожи в голосе произнесла я. — Час назад в моей лаборатории произошел крупный пожар. Мой авторский «Наполеон» пал жертвой стихии, а входная дверь была ликвидирована топорами специального отряда МЧС.

По кабинету пронесся дружный вдох удивления. Аристархов медленно приподнял одну бровь:

— Вы шутите, Леонова? Это такая форма оригинального оправдания вашей непунктуальности?

— Никаких шуток, Аркадий Николаевич. Если хотите, я могу показать вам протокол, подписанный лично майором Грозовым, — я сделала шаг ближе, опершись ладонями о край стола. — Но я пришла сюда не за жалостью. Я пришла сказать, что кондитер, который умудрился спасти свой лучший рецепт и не выронить миксер из рук, пока её квартиру брали штурмом спасатели, готов работать в любых экстремальных условиях. Мои десерты стоят того, чтобы ради них рисковать жизнью. И если вы дадите мне всего один шанс, завтра утром на этом столе будет лежать десерт, который заставит ваших клиентов забыть обо всех остальных конкурентах. Вместе взятых.

Аристархов долго, бесконечно долго смотрел на меня. Его

взгляд сканировал мое исцарапанное лицо, мое пальто, мою решительную позу. В его глазах впервые за все время кастинга мелькнуло что-то похожее на живой интерес.

— Экстремальные условия, говорите? — тихо переспросил он, и на его губах появилась едва заметная, хищная улыбка бизнесмена. — Что ж, Леонова. Я люблю людей с характером. Даю вам ровно четырнадцать часов. Завтра в девять утра ваш десерт должен быть здесь. Если он окажется посредственным — вы оплатите аренду этого кабинета за сегодняшнее время. Идет?

— Идет, — твердо ответила я, хотя внутри у меня все обвалилось.

Четырнадцать часов. У меня нет ни кухни, ни продуктов, ни жилья. Только чемодан, миксер и безумное желание доказать одному конкретному майору, что утки умеют летать. Высоко и больно для окружающих.

Глава 4. Подарок от Алексея

Выйдя из зеркального здания бизнес-центра «Шоко-Латте», я почувствовала, как колени окончательно превратились в перегретое желе. Четырнадцать часов. У меня было ровно четырнадцать часов на то, чтобы совершить кулинарную революцию, завоевать рынок и... найти крышу над головой. Ах да, еще и отмыть планетарный миксер от непередаваемого аромата гари.

— Ну что, Леонова, вызов принят, — пробормотала я, выкатывая свой гигантский чемодан на гранитное крыльцо. — Теперь осталось понять, где взять работающий духовой шкаф, пять килограммов отборного сливочного масла и раскладушку.

Телефон в руке ожил с такой яростью, будто пытался прожечь мне ладонь. Марта. Ну конечно, кто же еще.

— Влада! Я видела твою геолокацию, ты вышла из офиса! Живая! Рассказывай всё, не томи, у меня сейчас тушь от любопытства потечет! — заверещала подруга прямо в ухо.

— Я получила шанс, Марта, — устало выдохнула я, прижимая трубку плечом и пытаюсь поглубже спрятать руки в карманы пальто. — Один-единственный шанс. Завтра в девять утра мой «Наполеон» должен стоять на столе у Аристархова. Если он ему не понравится, я официально банкрот и бомж с кучей долгов.

— Ура-а-а! Я же говорила! Ты гений! — Марта, казалось, вообще не услышала вторую часть фразы. — Так, а в чем проблема? Пеки!

— На чём, Марта?! — я сорвалась на истерический смешок, заставив проходящего мимо парня испуганно шарануться в сторону лужи. — В моей бывшей квартире сейчас вместо входной двери зияет черная дыра в никуда, на кухне сугробы из химической пены, а Олег Степанович пообещал спустить на меня собак, если я приближусь к дому ближе, чем на километр! Мне негде печь. И спать, кстати, тоже негде. У тебя, напоминая, в твоей студии ремонт, и ты сама живешь на раскладушке среди коробок с плиткой!

— Ой... Точно, — Марта на секунду зависла. — Слушай, кондитерская катастрофа ты моя, без паники. У меня есть план «Б». Точнее, у меня есть Лешка.

— Какой еще Лешка? — я нахмурилась, пытаюсь вспомнить всех мужчин из обширного списка контактов моей общительной подруги.

— Ну, Леша! Алексей Попов, мой... ну, в общем, мы встречаемся, я тебе рассказывала! Он из спецназа, такой весь правильный, надежный и, главное, у него куча связей среди силовиков. У них там, знаешь, мужская солидарность и всё такое. У него огромная квартира, правда, сейчас там временно склад каких-то вещей его отряда, но... Подожди, я ему сейчас наберу. Стой на месте и не замерзай!

Трубка пискнула и отключилась. Я осталась стоять под ко-

сым октябрьским дождем, который медленно, но верно превращал мои растрепанные волосы в живописные сосульки. Чемодан мирно мок рядышком, а утиные лапки на моих домашних шортах, казалось, сочувственно поджигались от холода.

Прошло мучительных десять минут. За это время я успела трижды проклясть Глеба Громова с его топором, дважды — Аристархова с его сфинксовым лицом и один раз — кондитерское искусство в целом. Наконец телефон снова ожил.

— Владочка, всё на мази! — победоносно прокричала Марта. — Лешка — просто золото, я выйду за него замуж, решено! В общем, слушай. У самого Лешки сейчас дома филиал казармы, там ночуют его ребята перед учениями, так что к себе он тебя взять не может — ты там со своим миксером просто не поместишься между бронежилетами. НО! У него есть лучший друг. Тоже холостяк, живет один в огромной ведомственной квартире, и у него совершенно пустует вторая изолированная комната!

— Марта, мне как-то неудобно... — замялась я, переступая с ноги на ногу в промокших кроссовках. — Незнакомый мужчина, силовик... А вдруг он маньяк? Или алкоголик?

— Перестань! Лешка за него ручается головой. Он тихий, спокойный, дома почти не бывает — вечно на работе, какие-то там дежурства, вызовы. Квартира у него как стерильный бокс, порядок идеальный. И главное — Леша сказал, что там шикарная, огромная кухня с новой итальянской

духовкой! Его бывшая девица развела его на ремонт, а потом сбежала, так что духовка абсолютно девственна! Ты там сможешь свой «Наполеон» хоть в промышленных масштабах выпекать!

Слово «духовка» действовало на меня как гипноз на кролика. Итальянская. Новая. С идеальной конвекцией. Ради такого я была готова поселиться хоть у самого черта в логове.

— Ладно, — выдохнула я, чувствуя, как внутри возрождается боевой дух. — Диктуй адрес. И как зовут этого святого человека, который согласился пустить к себе бездомного кондитера в пижаме?

— Адрес скину смской, это на Партизанской, элитная новостройка от ведомства. А зовут его... Слушай, Лешка как-то странно его назвал, я не расслышала из-за шума, Глеб, кажется. Ну, не важно! Он уже предупрежден, ключи оставит в сейфе у консьержа, потому что сам на суточном дежурстве до завтрашнего утра. Так что вся квартира и духовка в твоём полном распоряжении до девяти ночи! Бери такси и дуй туда!

Через полчаса я уже стояла в холле роскошного жилого комплекса. Мраморный пол, зеркала в позолоченных рамах, вежливый консьерж в строгом костюме — контраст с моей старой хрущевкой был разительным. Сонный мужчина за стойкой, сверив мой паспорт с какими-то записями, молча протянул мне тяжелый электронный ключ с брелоком, на ко-

тором была выбита цифра «142».

— Четырнадцатый этаж, квартира прямо от лифта, — вежливо улыбнулся он, покосившись на мои сумки, из которых по-прежнему угрожающе торчали кондитерские кольца.

Лифт поднял меня на нужный этаж за считанные секунды. Находясь в каком-то полузабытии от усталости, я приложила ключ к электронному замку массивной бронированной двери. Раздался тихий клик, и дверь плавно поехала внутрь.

Я шагнула в прихожую и замерла. Квартира действительно выглядела так, словно здесь жил либо робот-пылесос, либо очень педантичный немец. Никаких разбросанных вещей, обувь выстроена по линейке, идеальные серые стены, минимализм и звенящая пустота. Настоящая берлога одинокого волка.

Но я пришла сюда не интерьеры оценивать. На цыпочках, боясь оставить грязные следы от кроссовок, я прокралась на кухню и едва не закричала от восторга. Огромное пространство, гранитная столешница и ОНА — встроенная матовая духовка шириной в добрый метр, сияющая хромированными ручками.

— О да, детка, мы с тобой подружимся, — прошептала я, благоговейно касаясь прохладного стекла.

Времени на сантименты не было. Я скинула пальто, оставшись в своих многострадальных шортах с уточками, и развила бурную деятельность. За следующие два часа я успела вызвать курьера из круглосуточного гастронома, который при-

вез мне гору продуктов: три килограмма чистейшего тридцативосьмипроцентного масла, мешок муки высшего сорта, стручки натуральной бурбонской ванили и жирные сливки.

Кухня незнакомца мгновенно превратилась в филиал кондитерского цеха. Мой планетарный миксер, предварительно отмытый до зеркального блеска, победно рокотал на гранитной столешнице, взбивая нежнейшее слоеное тесто. Воздух в квартире начал стремительно нагреваться, пропитываясь ароматом тепла, уюта и ванильного сахара. Кипенно-белая мучная пыль легким слоем легла на безупречно чистые серые поверхности холостяцкого рая. Я летала между плитой и столом, раскатывая тончайшие, почти прозрачные коржи, и краем уха слушала, как духовка издает мерные, правильные щелчки, выпекая мой будущий триумф.

К восьми часам вечера я была похожа на восставшего из ада пекаря: щеки горели от жара духовки, на носу красовалось пятно от заварного крема, а волосы были густо присыпаны сахарной пудрой. Но результат стоил каждой потраченной калории и нервной клетки. На столе, на специальной подложке, возвышался ОН. Мой идеальный, двенадцатикилограммовый, тридцатислойный «Наполеон». Коржи хрустели от одного взгляда на них, а крем маскарпоне нежно пропитывал каждый миллиметр этого кулинарного безумия.

— Готово, — выдохнула я, вытирая лоб тыльной стороной ладони и оставляя там еще один белый след от муки. — Аристархов, ты у моих ног.

Сил не оставалось даже на то, чтобы доползти до выделенной мне комнаты. Спина гудела так, будто по ней проехался тот самый пожарный автомобиль. Кое-как прикрыв кулинарный шедевр специальным защитным колпаком, я на неслушающихся ногах доковыляла до гостиной. Там стоял огромный, невероятно мягкий кожаный диван цвета мокрого асфальта.

Я упала на него прямо в своей «утиной» пижаме, даже не потрудившись расстелить плед. Глаза закрылись сами собой, стоило голове коснуться прохладной кожи. Мысли путались, унося меня в царство, где гигантские слоеные коржи штурмовали пожарные части. Я заснула мгновенно, мертвецким, беспробудным сном кондитера-триумфатора, полностью уверенная в том, что хозяин квартиры вернется только завтра утром.

Я проснулась от странного, давящего чувства чужого присутствия. И от звука... тяжелых, размеренных шагов в коридоре.

Сердце мгновенно ухнуло куда-то в пятки. Часы на стене показывали половину двенадцатого ночи. *Подождите, Марта же говорила, что он на сутках?!*

Шаги приблизились к гостиной. В темноте комнаты зажегся резкий, бьющий по глазам верхний свет. Я зажмурилась, со стоном прикрывая лицо рукой, и села на диване, судорожно пытаюсь сообразить, где я и кто я.

— Это еще что за явление христа народу? — раздался от двери знакомый, низкий, рокочущий бас, от которого у меня по коже мгновенно побежали испуганные мурашки.

Я открыла глаза, смахнула с лица растрепанную челку и лишилась дара речи.

В проеме двери стоял майор Глеб Юрьевич Громов. Собственной персоной. Уже без каски, в расстегнутой на груди темно-синей форменной рубашке с закатанными по локоть рукавами. На его плече висела огромная спортивная сумка, а в руке он держал... электронный ключ от этой самой квартиры.

Его серые, грозовые глаза медленно округлились, когда он разглядел сидящую на его любимом дизайнерском диване растрепанную девицу в шортах с желтыми утками, которая ко всему прочему была с ног до головы измазана мукой и кремом.

— Ты?! — выдохнул майор МЧС, и на его лбу прорезалась глубокая, опасная складка.

— Вы?! — взвизгнула я, инстинктивно подтягивая подушку к груди, словно щит. — Что вы здесь делаете?! Это квартира друга Алексея!

Глеб медленно, со зловещим стуком опустил сумку на пол, не сводя с меня своего убийственного взгляда.

— Утка, ты совсем страх потеряла? — вкрадчиво, с явной угрозой произнес он, делая шаг в комнату. — Это квартира Алексея? Это МОЯ квартира. А Попов — мой подчинен-

ный, который, судя по всему, завтра пойдет чистить пожарные гидранты зубной щеткой. Начиная с пяти утра.

Он перевел взгляд на кухонный проем, откуда до сих пор тянулся отчетливый, приторно-сладкий аромат ванили, и его лицо приобрело выражение человека, у которого только что угнали танк.

— Что... что ты сделала с моей кухней? — прошептал Громов, направляясь туда тяжелой, зловещей походкой терминатора на пенсии.

Я подскочила с дивана и бросилась за ним, готовая грудью защищать свой «Наполеон». Шоу начиналось, и, кажется, градус в этой квартире обещал подняться выше, чем в итальянской духовке.

Глава 5. Мучные сугробы и пакт о ненападении

Если бы взглядом можно было испечь бисквит, то майор Громов прямо сейчас приготовил бы как минимум трехъярусный свадебный торт. Причем без использования духовки.

Он стоял на пороге собственной кухни, и его брови медленно, но верно стремились к линии роста волос. Я семенила следом, судорожно сжимая в руках диванную подушку и прикидывая траекторию полета Глеба Юрьевича, если он решит пойти на меня на таран.

Масштаб бедствия, надо признать, впечатлял. Моя кулинарная страсть всегда требовала пространства, а в условиях экстремального цейтнота я и вовсе превратилась в тасманского дьявола от кондитерского искусства. На безупречно серой, матовой гранитной столешнице, которая, кажется, еще утром помнила лишь одинокую чашку эспresso, сейчас лежал тонкий, но уверенный слой муки высшего сорта. Напоминало первый легкий снежок в Альпах. Мой верный миксер победно возвышался посреди этого великолепия, весь залепленный остатками крема. В раковине сиротливо громоздилась гора грязных венчиков, силиконовых лопаток и кастрюлек из-под карамели.

Но главным украшением этого хаоса был ОН. Под прозрачным пластиковым куполом, сияя безупречными тридцатью слоями хрустящего теста, покоился мой двенадцатикилограммовый «Наполеон». Он выглядел как король, случайно зашедший на цыганский базар.

Глеб медленно перевел взгляд с горы грязной посуды на торт, потом на мучной налет на рейлингах, а затем повернулся ко мне. В его серых глазах читалось такое монументальное, библейское спокойствие, от которого захотелось немедленно залезть обратно на балкон. Четвертого этажа. Без страховки.

— Это что? — тихо, почти ласково спросил он.

— Это «Наполеон», — пискнула я, делая шаг назад и поглубже втягивая голову в плечи. — Авторский. На маскарпоне и натуральной ванили. Между прочим, стручки везли из Мадагаскара.

— Я спрашиваю, что это за филиал мелькомбината в моем доме, утка? — Глеб сделал шаг вперед, и я спиной уперлась в дверной косяк. От него по-прежнему пахло дымом и холодом, но теперь к этому коктейлю примешался отчетливый аромат моей свежей выпечки. — Мне обещали, что сюда приедет тихая, адекватная девушка, которая просто переждет форс-мажор в комнате для гостей. Мне не обещали депортацию хлебозавода в мою квартиру.

— Во-первых, я очень тихая! — возмутилась я, обретая былую дерзость. — Я пекла абсолютно молча! Даже музыку

в наушниках включила, чтобы не шуметь! Во-вторых, духовка у вас просто потрясающая, конвекция — сказка, коржи пропеклись идеально...

— Леонова, — припечатал майор, и я тут же прикусила язык. Откуда он, кстати, знает мою фамилию? Ах да, я же сама ее на бланке протокола нацарапала. — Время — половина двенадцатого ночи. Я отпахал две смены подряд. Я вытаскивал людей из покореженного автобуса, а потом еще три часа координировал тушение склада на промзоне. Единственное, чего я сейчас хочу — это принять душ и упасть в кровать. Но вместо этого я прихожу домой и обнаруживаю, что у меня на кухне прошел мучной циклон, а на диване спит девица в шортах с птицами.

— Это утки, — машинально поправила я. — И они приносят удачу.

Глеб глубоко вздохнул, закрыв глаза. Кажется, он мысленно считал до десяти. Или выбирал, куда именно выбросить мой миксер — в окно или сразу в мусоропровод.

— У тебя ровно пять минут, чтобы собрать свои баулы и покинуть помещение, — ровно произнес он, открывая глаза. — Торт можешь забрать с собой. Или оставить на съедение консьержу. Мне плевать.

— Что?! — у меня внутри все оборвалось. — Вы с ума сошли?! Куда я пойду ночью с двенадцатикилограммовым тортом и тремя чемоданами?! На улице дождь! Меня же первый попавшийся патруль заберет за бродяжничество и неза-

конный оборот кондитерских изделий!

— Это не мои проблемы, Леонова. Я не благотворительный фонд «Спаси повариху». Ключи на стол — и на выход.

Он развернулся, намереваясь уйти в коридор, но паника — великий двигатель прогресса. Я подскочила к нему и, позабыв о всяком чувстве самосохранения, вцепилась обеими руками в его крепкое, обтянутое синей тканью плечо. Мышцы под моими пальцами мгновенно превратились в стальные канаты. Глеб замер, медленно повернул голову и посмотрел на мои руки так, словно на него запрыгнула бешеная белка.

— Глеб Юрьевич, пожалуйста! — взмолилась я, глядя на него снизу вверх самыми несчастными глазами, на какие только была способна. — Завтра в девять утра этот торт должен стоять на столе у генерального директора «Шоко-Латте». От этого зависит моя жизнь. Если вы меня сейчас выставите, коржи отсыреют на влажном воздухе, крем поплывет, и я потеряю всё. Контракт, карьеру, веру в человечество!

— Руки убери, — глухо отозвался майор.

Я поспешно отдернула ладони, оставив на его безупречной форменной рубашке два аккуратных белых отпечатка муки прямо на плече. Глеб скосил глаза на свои новые «погоны», и его челюсть снова сжалась до хруста.

— Извините, — прошептала я, пряча руки за спину. — Я всё отмою. Клянусь! Я отмою всю кухню до блеска. Она будет чище, чем операционная в вашей ведомственной поликлинике! Я перемою каждую ложку. Я не издам ни звука

до утра. Я забаррикадируюсь в комнате для гостей и буду дышать через раз! Только не выгоняйте меня ночью. Пожалуйста.

Громов молчал. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его грозном взгляде боролись усталость спасателя, педантичность холостяка и... что-то еще, чего я не могла разобрать. Наверное, простое человеческое сострадание, которое у сотрудников МЧС обычно вшито в подкорку.

— Планшет на столе видела? — вдруг спросил он, кивнув в сторону гостиной.

— Какой планшет?

— Мой. Личный. Я забыл его дома утром, — Глеб прошагал к кухонному столу, скрестив руки на груди. — Так вот, Леонова. Если на нем окажется хоть одна крупинка твоей сахарной пудры — ты вылетишь отсюда вместе со своим Наполеоном, Кутузовым и всеми утками мира. Поняла?

— Поняла! — я закивала так усердно, что едва не заработала сотрясение мозга. — Планшет чист! Я к нему даже не прикасалась!

— И второе, — майор сделал шаг ко мне, сокращая расстояние до опасного минимума. Он был настолько выше и шире, что я снова почувствовала себя беззащитным птенцом, попавшим под радар бомбардировщика. — Чтобы через полчаса здесь был первозданный порядок. Я иду в душ. Если, когда я выйду, я наткнусь хотя бы на один грязный венчик... Пеняй на себя.

— Двадцать минут! Мне хватит двадцати минут! — победоносно заявила я.

Глеб ничего не ответил. Он лишь тяжело вздохнул, подхватил свою сумку с пола и скрылся в направлении ванной комнаты. Через пару секунд оттуда донесся обнадеживающий шумок льющейся воды.

— Так, Леонова, врубаем режим «турбо-ведьма», — командовала я самой себе и бросилась к раковине.

Следующие двадцать минут превратились в безумный марафон по уборке. Я терла, мыла, полировала и соскребала муку с такой скоростью, что мои руки напоминали размытые лопасти вертолета. Я умудрилась не издать ни единого громкого звука — даже кастрюли опускала в раковину так нежно, словно это были хрустальные туфельки Золушки.

Когда за дверью ванной стих шум воды, кухня Глеба Громова сияла так, будто ее только что установили строители. Ни одной соринки. Ни одного следа муки. Только гигантский торт под колпаком скромно намекал на то, что здесь произошло кулинарное чудо.

Я стояла посреди этого серого великолепия, тяжело дыша и вытирая пот со лба. В этот момент дверь ванной открылась, и в коридор вышел хозяин квартиры.

Мамочки поднебесные.

На нем были только свободные серые спортивные штаны, низко сидящие на бедрах. Никакой рубашки. Никакой футболки. Настоящая анатомическая выставка для любителей

погорячее. Широкие плечи, рельефная грудь, кубики пресса, которые выглядели так, будто их высекали из мрамора лучшие скульпторы Возрождения. По его влажной коже все еще стекали капли воды, а на правом боку, чуть выше бедра, белел длинный, старый шрам — явный след какого-то боевого прошлого или опасного спасательного вызова. Его мокрые темные волосы были растрепаны, что делало сурового майора похожим на хищника, вышедшего на охоту.

Я сглотнула. Громко. Кажется, этот звук разнесся по всей стерильной квартире.

Глеб остановился на пороге кухни, вытирая шею белым полотенцем. Его взгляд критически осмотрел поверхности. Никакой муки. Он удовлетворенно хмыкнул, а затем перевел взгляд на меня. Я по-прежнему стояла в своей утиной пижаме, растрепанная, с розовыми щеками и... во все глаза разглядывала его пресс.

— Леонова, — вкрадчиво произнес Глеб, и на его губах снова появилась ленивая, убийственная мужская усмешка. — Экскурсия по моему телу в стоимость проживания не входит. Насмотрелась? А теперь шагом марш в свою комнату. И чтобы до утра я тебя не видел.

Мое лицо мгновенно вспыхнуло всеми оттенками спелой малины. Я резко развернулась, едва не запутавшись в собственных ногах, и пулей припустила в гостевую спальню, на ходу бросив:

— Спокойной ночи, товарищ майор! Торт не трогать, он

заговорен на успех!

Захлопнув дверь комнаты, я прижалась к ней спиной, чувствуя, как сердце колотится в груди со скоростью отбойного молотка.

— Так, Влада, успокойся, — прошептала я в темноту. — Пресс у него, конечно, зачетный. Но он суровый солдафон, который выбил твою дверь. Завтра утром ты забираешь «Наполеон», уезжаешь на кастинг и больше никогда, слышишь, никогда его не увидишь.

С этой мыслью я забралась под теплое одеяло огромной гостевой кровати. Пахло здесь свежестью и кондиционером для белья. Сил не было вообще. Стоило мне закрыть глаза, как я провалилась в глубокий сон, даже не подозревая, что у судьбы на наш счет были абсолютно другие, куда более экстраемальные планы.

Глава 6. Операция «Эвакуация торта» и сломанная шпилька

Утро встретило меня бодрящим ароматом крепкого кофе и оглушительной, звенящей тишиной. Я открыла глаза, испуганно уставившись в незнакомый потолок цвета, и не сразу сообразила, где нахожусь. Но стоило мне повернуться на бок и наткнуться взглядом на огромный пластиковый чемодан, как вчерашний день лавиной обрушился на мою бедную голову.

Балкон. Дым. Майор Громов. Шерстяные утки. Новая итальянская духовка. И... двенадцатикилограммовый «Наполеон», который прямо сейчас ждет своего часа на чужой кухне.

Я судорожно схватила телефон с прикроватной тумбочки. Семь часов утра. Кастинг у Аристархова в девять ноль-ноль. Времени в обрез, учитывая, что мне еще нужно как-то доставить этот кулинарный шедевр в целости и сохранности через утренние городские пробки.

Я выползла из-под теплого одеяла, на ходу пытаюсь привести в порядок растрепанные волосы, которые после вчерашнего мучного безумия стояли дыбом, как у безумного профессора. Из вещей у меня с собой был весьма специфический набор: пара парадных костюмов для встреч, которые я

успела запихать в чемодан в последние минуты перед депортацией, и всё та же пижама. Выбор пал на строгий, но элегантный брючный костюм цвета спелой черники и кремовую блузку. Я должна была выглядеть как успешная бизнес-леди, а не как беженка с хлебозавода.

На цыпочках, затаив дыхание, я приоткрыла дверь гостевой спальни и высунула нос в коридор. Тихо. Никаких звуков шагов двухметрового терминатора. Похоже, Глеб Юрьевич либо еще спал после своих эпических двух смен, либо уехал на очередной вызов спасти мир от очередной глупой утки.

Я облегченно выдохнула и направилась на кухню.

Кухня встретила меня безупречным зеркальным блеском гранита, который я вчера полировала с яростью одержимого енота. На столе, под прозрачным куполом, гордо возвышался мой кондитерский король. За ночь коржи идеально пропитались кремом маскарпоне, но при этом сохранили ту самую заветную хрустинку. От одного взгляда на него у меня выделилось столько слюны, что можно было затопить соседей снизу.

Рядом с тортом на идеальной серой салфетке стояла чашка свежесваренного эспresso. А под ней... аккуратно сложенный вчетверо белый листок бумаги.

Я замерла, подозрительно косясь на записку. Взяла бумажку двумя пальцами, развернула. Почерк у майора Громова был под стать ему самому — крупный, четкий, рубящий, словно буквы выбивали топором на гранитной плите.

«Утка, кофе на плите. Торт не трогал, хотя соблазн проверить, заговорен ли он на успех, был велик. Ушел на пересменку в часть. Дверь захлопни, замок электронный. С мукой в моем доме покончено раз и навсегда. Надеюсь, твой Аристархов не подавится. Г.Ю.»

— Ну надо же, какой заботливый суровый солдафон, — фыркнула я, но внутри почему-то разлилось приятное, теплое чувство. Кофе, кстати, оказался потрясающим — крепким, с плотной пенкой и без единого намека на кислинку. Майор знал толк в правильном допинге.

Быстро перекусив остатками вчерашних сливок и допив кофе, я приступила к самой сложной части плана — транспортировке. Двенадцатикилограммовый торт на подложке — это вам не коробка с обувью. Его нельзя наклонять, нельзя трясти, а любая резкая кочка на дороге может превратить тридцать слоев хрустящего совершенства в унылую кашу.

Я упаковала «Наполеон» в специальную термо-коробку, которую предусмотрительно захватила с собой из старой квартиры. Коробка оказалась огромной и жутко неудобной. При моем росте в метр шестьдесят я выглядела так, будто тащу перед собой мини-холодильник.

Кое-как перехватив коробку поудобнее, я спиной толкнула входную дверь Глеба, услышала, как за моей спиной победно клацнул электронный замок, и потащила свое сокровище к лифту. Чемоданы и спортивные сумки я решила пока оставить в коридоре его ЖК — консьерж обещал приглядеть

за ними пару часов. Сейчас главным был торт.

На улице по-прежнему моросил противный октябрьский дождь. Асфальт блестел от влаги, а ветер так и норовил сорвать с меня пальто. Я аккуратно спустилась по мраморным ступеням крыльца элитной новостройки, держа коробку перед собой, как священный Грааль. До кастинга оставалось сорок минут, такси должно было подъехать с минуты на минуту.

И тут вселенная решила напомнить мне, что моя черная полоса еще не закончилась.

Я сделала всего один неосторожный шаг по мокрому тротуару. Правая нога предательски поехала на скользком осеннем листе. Раздался резкий, сухой *хруст*, который отозвался болью где-то в районе моей многострадальной кондитерской гордости.

Моя любимая, дорогая шпилька на правом итальянском сапоге, купленном на последние деньги для важных встреч, надломилась у самого основания.

— О боги, нет! — вскрикнула я, теряя равновесие.

Вестибулярный аппарат, который вчера так активно критиковал майор Громов, выдал экстренное торможение. Мой корпус повело влево, коробка с тортом опасно накренилась. Я замахала левой рукой, пытаюсь удержаться на одной ноге, как хромой фламинго на диете. Секунда — и я неизбежно полетела бы лицом в грязную лужу, похоронив под собой двенадцать килограммов маскарпоне.

Но падения не произошло.

Чьи-то железные, невероятно сильные пальцы мертвой хваткой вцепились в мое плечо, буквально выдергивая меня из затаженного пике за секунду до катастрофы. Вторая огромная ладонь мгновенно подхватила снизу термо-коробку, возвращая её в идеально горизонтальное положение.

Я испуганно выдохнула, уткнувшись носом во что-то очень плотное, шерстяное и пахнущее до боли знакомым коктейлем из кедра, мокрого асфальта и свежего ветра.

— Леонова, ты вообще способна передвигаться по этой планете без ЧП? — раздался над моей головой знакомый рокочущий бас.

Я подняла глаза. Майор Громов. Собственной персоной. Он стоял передо мной в своей форменной демисезонной куртке, из-под которой виднелась чистая рубашка (уже без моих мучных отпечатков). Его волосы были слегка влажными от дождя, а в серых глазах прыгали чертенята искреннего, неприкрытого веселья.

— Вы?! — выдохнула я, все еще балансируя на одной целой шпильке и намертво вцепившись в его куртку. — Вы же ушли на пересменку!

— Ушел. Но вспомнил, что оставил в прихожей рапорт, за которым мне все равно возвращаться через час, — Глеб перевел взгляд на мою правую ногу, которая сиротливо висела в воздухе, а затем на сломанный каблук, так же сиротливо валяющийся на асфальте. — Ну и что мы имеем? Ми-

нус дверь, минус герань, минус сапог. Леонова, ты ходячее оружие массового поражения.

— Это не смешно! — я сердито шмыгнула носом, пытаюсь высвободиться из его захвата, но майор держал меня крепко, как спасенное имущество. — У меня такси через две минуты! У меня кастинг! Я не могу прийти к Аристархову босиком или хромая, как пират Сильвер! Это крах!

В этот момент к бордюру лениво подкатила белая «Киа» с шашечками. Таксист посмотрел на нас через стекло, явно оценивая масштаб драмы.

Глеб посмотрел на такси, потом на меня — растрепанную, злую, стоящую на одной ноге кондитершу с гигантской коробкой в руках. Он тяжело вздохнул, и на его лице появилось то самое выражение, с которым спасатели обычно лезут на дерево за особо кусачим котом.

— Отменяй такси, утка, — коротко бросил он, легко отбирая у меня термо-коробку одной рукой, словно она весила не двенадцать килограммов, а граммов двести.

— Зачем это? — нахмурилась я.

— Затем, что в таком виде тебя пустят только в травмпункт, а не в совет директоров. Жди здесь и не шевелись. Если упадешь — торт я забираю себе в качестве компенсации за моральный ущерб.

Он развернулся и размашистым шагом направился к припаркованному неподалеку огромному, брутальному черному внедорожнику, который выглядел так, будто на нем можно

штурмовать небольшое суверенное государство. Глеб аккуратно поставил коробку на заднее сиденье, запер машину и пошел обратно ко мне.

Я осталась стоять на месте, покорно поджав правую ногу и чувствуя себя самой нелепой девушкой в этом элитном квартале. Дождь усиливался, капли стекали по лицу, порча мой идеальный макияж «дорогой женщины».

Громов подошел вплотную. Без лишних слов он наклонился, подхватил меня под коленями и спиной, легко взмывая мое тело в воздух. Я испуганно ойкнула, инстинктивно обвивая руками его шею.

— Вы что делаете?! Пустите! — зашипела я, хотя внутри всё предательски замерло от того, насколько близко оказалось его лицо. Я видела каждую крошечную подпалину на его щетине, чувствовала жар, исходящий от его тела сквозь куртку.

— Эвакуирую пострадавших с места коммунального бедствия, — буркнул Глеб, уверенно шагая к своему внедорожнику через лужи. — Сиди мирно и не ворчи, Леонова. Время без пятнадцати восемь. Если мы сейчас же не выедем, твой Аристархов уедет пить свой эспрессо без твоего заговоренного «Наполеона».

Он открыл пассажирскую дверь машины свободной рукой, аккуратно усадил меня на высокое кожаное сиденье и, прежде чем закрыть дверь, внимательно посмотрел мне прямо в глаза.

— Ремни пристегни. Поедем с ветерком, утка.

Глава 7. Эскорт специального назначения

Внедорожник Глеба внутри оказался точным продолжением его квартиры: пахло кожей, хорошим табаком и какой-то неумолимой, чисто мужской дисциплиной. Никаких легкомысленных ароматизаторов-елочек или разбросанных фантиков. На панели приборов аккуратно крепилась профессиональная рация, периодически похрипывающая какими-то дежурными кодами.

Я сидела на пассажирском сиденье, сиротливо поджав под себя ногу в покалеченном сапоге. На заднем сиденье, пристегнутая ремнем безопасности как особо важный дипломат, ехала коробка с моим «Наполеоном».

Глеб запрыгнул на водительское сиденье, захлопнул дверь, отсекая шум проливного дождя, и повернул ключ в замке зажигания. Двигатель отозвался утробным, хищным рыком, от которого у меня по позвоночнику пробежала приятная волна ментальной безопасности. Майор быстро бросил взгляд на часы на приборной панели, потом на экран навигатора. Город намертво застыл в багровых девятибалльных пробках. Октябрьский ливень превратил утренний час пик в тотальный апокалипсис.

— Центр стоит, — Глеб крутанул руль, выруливая со дво-

ра. — На набережной авария, мост заблокирован. Твой навигатор обещает нам чистых полтора часа дороги.

— Полтора часа?! — я едва не подпрыгнула на кожаном сиденье, намертво вцепившись в ремень. — Но у меня тридцать пять минут! Аристархов — маньяк пунктуальности. Если я опоздаю хотя бы на тридцать секунд, он даже крышку коробки поднимать не станет! Глеб Юрьевич, пожалуйста, сделайте что-нибудь! Вы же спасатель! Спасите мою карьеру!

Громов иронично покосился на меня, плавно перестраиваясь в плотный, еле движущийся поток машин на проспекте.

— Леонова, я спасаю людей из огня и завалов. Пробки на дорогах — это не чрезвычайная ситуация, а суровые будни мегаполиса. Я не могу разогнать эти три сотни кредитных ведер силой мысли.

— Ну у вас же есть эта... ну, мигалка! Или сирена! Или спецсигналы! — я замешала руками, как ветряная мельница. — Включите! Скажите по рации, что у нас... ЧП государственного масштаба! Что если этот торт не будет доставлен, в городе наступит сахарный кризис!

Глеб приглушил рацию и издал тихий, утробный смешок, от которого у него на щеках снова обозначились те самые чертовски привлекательные складки.

— Незаконное использование спецсигналов в личных целях — это как минимум лишение прав и вылет со службы с

волчьим билетом, утка. Ты предлагаешь майору МЧС пойти под трибунал ради куска слоеного теста?

— Это не просто тесто, это «Наполеон»! — в отчаянии выкрикнула я, утыкаясь лбом в холодное стекло пассажирского окна. За стеклом уныло мокли серые многоэтажки, а машины впереди нас продвигались на два сантиметра в минуту. На глазах снова начали закипать слезы. — Всё. Это конец. Можно разворачиваться и ехать на вокзал.

Майор молчал примерно полминуты. Я слышала только мерный стук дворников, счищающих потоки воды со лобового стекла. На очередном перекрестке, когда мы уперлись в наглухо запертый хвост автобуса, Глеб вдруг резко переключил передачу, достал мобильный телефон и быстро набрал какой-то номер по громкой связи.

В динамиках раздались гудки, а затем хриплый, заспанный мужской голос:

— Громов, шторм тебя раздери, если ты звонишь сказать, что забыл у меня в дежурке свой блокнот, я тебя самого в гидрант упакую. Я только лег.

— Здорово, Огнев, — спокойно произнес Глеб, удерживая руль одной рукой. — Твоя кондитерская катастрофа сейчас сидит у меня в машине и собирается затопить мне салон слезами. Мы стоим на площади, центр перекрыт из-за ДТП. У нее кастинг через двадцать пять минут в главном офисе «Шоко-Латте». Если она опоздает, твоя Марта мне плешь проест.

На том конце провода воцарилась секундная тишина, сменившаяся шуршанием одеяла и бодрым матерным междометием.

— Леонова, что ли? — оживился Огнев. — С тортом своим? Так они на Партизанской стоят? Слушай, Громов, у меня там патрульный экипаж ребят из нашего батальона как раз дежурит на съезде с моста. Оформляют кого-то. Давай я им звякну, они вас встретят на развязке и протащат через спецполосу? Мне Марта за эту девчонку весь мозг чайной ложкой съела, она у нее как младшая сестра.

Глеб скосил глаза на меня. Я сидела, затаив дыхание, боясь даже вздохнуть, чтобы не спугнуть это внезапное тактическое чудо.

— Давай, — коротко бросил майор. — С меня причитается. Конец связи.

Он швырнул телефон на консоль, резко выкрутил руль вправо и, нарушая все мыслимые правила вежливого вождения, втиснулся в узкий переулок между домами.

— Держись, утка, — бросил он, и в его голосе впервые за утро прорезался тот самый азарт, с которым мужчины обычно идут на штурм. — Сейчас проверим, насколько прочны твои кондитерские кольца.

Следующие двадцать минут я запомню на всю жизнь. Черный внедорожник Глеба летел по питерским закоулкам, как боевая машина пехоты. На съезде с набережной нас действительно уже ждал припаркованный у обочины патрульный ав-

томобиль с включенными сине-красными маячками. Увидев машину Громова, водитель патруля коротко крикнул сиреной, пристроился впереди нас, и под оглушительный вой спецсигналов мы буквально прорубили себе дорогу сквозь стоящий в пробке мост по разделительной полосе.

Я вжималась в сиденье, чувствуя, как адреналин крупной дрожью бьет по пальцам. Торт на заднем сиденье опасно шуршал коробкой на поворотах, но Глеб вел машину с пугающей, хирургической точностью. Он контролировал каждый занос, каждое движение руля, оставаясь абсолютно спокойным, словно мы ехали не на кастинг с полицией, а на мирную прогулку по парку.

Ровно в восемь часов пятьдесят четыре минуты внедорожник с визгом тормозов замер прямо у главного входа в зеркальную высотку «Шоко-Латте». Патрульная машина, сделав прощальный взмах маяками, растворилась в дожде.

— Приехали, Леонова. Восемь пятьдесят четыре. У тебя шесть минут, — Глеб заглушил мотор и повернулся ко мне.

— Спасибо... — прошептала я, чувствуя, как у меня мелко дрожат губы. — Вы... вы просто невероятный, Глеб Юрьевич.

— Рано радоваться. Сапог твой где? — майор выразительно посмотрел на мою правую ногу.

О Боги. Я совсем забыла. Каблука-то нет.

— Я... я доковыляю. Как-нибудь на носочках, — я потянула за ручку двери, но Глеб опередил меня.

Он вышел из машины, открыл заднюю дверь, подхватил мою огромную термо-коробку и, захлопнув салон, обошел внедорожник. Прежде чем я успела сообразить, что происходит, пассажирская дверь распахнулась, и Громов бесцеремонно выудил меня из салона, снова перехватив одной рукой под коленями.

— Вы с ума сошли?! — зашипела я, когда мы двинулись к стеклянным дверям офиса. — Нас же увидят! Там камеры! Там ресепшен!

— Леонова, заткнись, а? — устало попросил майор, уверенно толкая плечом тяжелую стеклянную дверь. — Я обещал Огневу доставить тебя в целости. Доставка кондитера на шпильках в аварийном состоянии входит в комплект.

Мы влетели в роскошный холл. Та самая высокомерная девушка-секретарь с безупречным каре, увидев нашу процессию, медленно поднялась со своего кресла. Ее глаза округлились до размеров кофейных блюдец. Перед ней предстала эпическая картина: суровый, безумно сексуальный мужчина в куртке МЧС при полном параде несет на руках растрепанную девушку в черничном костюме, которая одной рукой намертво вцепляется в его шею, а во второй держит гигантский белый короб.

— Девушка, лифт вызовите. Быстро, — скомандовал Глеб таким тоном, что секретарь, растеряв всю свою спесь, судорожно ткнула пальцем в кнопку вызова, даже не спросив про служебный дебаркадер.

Лифт долетел до четырнадцатого этажа за три секунды. Когда двери раздвинулись, мы оказались прямо перед кабинетом. Часы на стене показывали ровно восемь часов пятьдесят девять минут.

Глеб наконец аккуратно опустил меня на ковровую дорожку, бережно передав мне в руки коробку с тортом. Я кое-как сбалансировала на левой ноге, придерживаясь спиной за стену.

— Ну всё, утка. Твой выход, — Глеб сделал шаг назад, поправляя воротник куртки. Его серые глаза смотрели на меня с какой-то странной, едва уловимой теплотой. — Иди и порви своего генералисимуса. А я подожду тебя внизу. Нам еще твои чемоданы с консержем делить.

Я посмотрела на него, чувствуя, как внутри закипает бешеная, ничем не прошибаемая уверенность в собственной победе. С таким тылом за спиной проиграть было просто невозможно.

— Есть, товарищ майор, — улыбнулась я, поглубже вдохнула ванильный воздух и, толкнув тяжелую дубовую дверь, шагнула в кабинет Аристархова прямо на одной шпильке.

Глава 8. Сладкий триумф и горький кофе

В кабинет Аркадия Николаевича Аристархова я влетела ровно в девять ноль-ноль — секунда в секунду. Моё появление вряд ли напоминало триумфальное дефиле топ-модели. Скорее, это был выход раненого, но не сломленного бойца кулинарного фронта. Я прыгала на одной левой ноге, судорожно прижимая к груди гигантскую термо-коробку, как самое дорогое сокровище нации, а правая нога болталась в воздухе, демонстрируя миру сиротливый обрубок итальянской шпильки.

За длинным столом из темного дуба уже сидела вчерашняя комиссия. Все пять человек в строгих, застегнутых на все пуговицы костюмах, с лицами судей верховного трибунала. Сам Аристархов сидел в центре. Его безупречный серый пиджак не имел ни единой складки, а холеные пальцы лениво вращали пустую фарфоровую чашку. При моем появлении он медленно перевел взгляд на настенные часы, затем на меня, и одна его бровь привычно поползла вверх.

— Тридцать слоев хрустящего безумия прибыли по расписанию, Аркадий Николаевич, — тяжело дыша, произнесла я и с глухим стуком опустила коробку прямо на полированную поверхность стола, бесцеремонно отодвинув в сторону

чьи-то папки с отчетами.

— Насколько я вижу, Леонова, вы не только пунктуальны, но и... нетипично обуты, — сухо заметил Аристархов, окинув взглядом мой аварийный силуэт. — Что случилось с вашим вторым каблуком? Тоже пал жертвой МЧС?

— Жертвой питерского осеннего листа и законов гравитации, — отрезала я, упрямо вскинув подбородок. — Но торт не пострадал. Ни один миллиметр крема не сдвинулся с места. Могу я презентовать десерт?

Аристархов сделал легкий кивок ладонью — жест истинного императора кофейного бизнеса.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь унять дрожь в пальцах, и аккуратно потянула за замки термо-коробки. Пластиковый купол плавно поехал вверх, и по кабинету пятьсот два мгновенно, лавиной разлился умопомрачительный, густой и тягучий аромат. Запах настоящей, живой бурбонской ванили, домашнего топленого масла и карамельного шлейфа за секунду выветрил из помещения весь офисный дух дорогого парфюма и кондиционированного воздуха. Две женщины из комиссии синхронно потянули носами, а мужчина-технолог слева от директора даже подался вперед, поправляя очки.

Мой «Наполеон» выглядел основательно. Тринадцать тончайших, золотистых коржей, прослоенных белоснежным, шелковым кремом маскарпоне, образовали идеальный куб. Сверху торт был густо присыпан хрустящей слоеной крошкой и украшен тонкими нитями янтарной домашней караме-

ли. Он буквально дышал теплом и уютом домашней выпечки, но при этом выглядел как десерт из мишленовского ресторана.

— Это... классика в авторском прочтении, — я сбалансировала на одной ноге, опершись рукой о край стола. — Никакого растительного жира. Только тридцать восемь процентов жирности сливок, натуральный сыр и тесто, которое я раскатывала вручную сегодня ночью. На итальянской духовке, между прочим. Ну, то есть, на духовке... одного хорошего человека.

— Хватит лирики, Леонова. Нам нужен вкус, а не история ваших ночных приключений, — холодно перебил Аристархов, хотя я заметила, как его взгляд на секунду задержался на безупречном срезе торта. — Коллеги, приступайте.

Секретарь, та самая, что со страхом в глазах провожала нас с Глебом у лифта, поспешно занесла в кабинет набор десертных тарелок и серебряных вилок. Технолог аккуратно, словно сапер на минном поле, отрезал первый кусочек. Нож прошел сквозь тридцать слоев с тихим, потрясающим хрустом, от которого у меня внутри все сжалось в тугой узел.

Пять человек взяли вилки. Пять кусочков одновременно отправились в рот. В кабинете воцарилась гробовая, звенящая тишина. Я замерла, намертво вцепившись пальцами в край дубового стола. На правой ноге уже сводило мышцы от напряжения, но я не замечала боли.

Прошла минута. Две. Женщина-маркетолог закрыла гла-

за, и на ее строгом лице появилось выражение глубокого, почти греховного блаженства. Технолог задумчиво прожевал, посмотрел на срез, снова на вилку и медленно покачал головой.

— Ну как? — не выдержала я, нарушая все правила делового этикета. — Сахар не перебит? Коржи не размякли?

— Текстура идеальная, — глухо произнес технолог, снимая очки и преданно глядя на Аристархова. — Аркадий Николаевич, это... это лучший крем маскарпоне, который я пробовал за последние десять лет. Слоеное тесто держит форму, не размокает от влаги, но при этом тает на языке. Это стопроцентный хит для нашей премиальной линейки.

Все повернулись к генеральному директору. Сфинкс кофейной империи медленно отломил вилкой крошечный кусочек от своей порции, отправил в рот и замер. Его лицо не выражало абсолютно ничего. Никаких эмоций. Робот. Чистокровный бизнес-робот. Он проглотил десерт, аккуратно промокнул губы белоснежной салфеткой и посмотрел на меня своим ледяным взглядом.

— Сколько времени вам нужно, Леонова, чтобы поставлять нам по пятьдесят таких тортов в день? — ровно спросил он.

У меня внутри словно взорвался салют. Пятьдесят тортов в день! Это же... это же гигантские объемы! Это контракт на миллионы!

— Мне... мне нужен цех, — мой голос на секунду предал

меня, дав петуха, но я быстро взяла себя в руки. — И пара помощников на замес. Моё оборудование готово к транспортировке. Если мы подписываем договор сегодня, первая партия будет в ваших кофейнях через три дня.

— Отлично, — Аристархов поднялся со своего кресла, застегивая пуговицу пиджака. — Мой юрист подготовит типовый контракт к двенадцати часам. Аванс на аренду цеха и закупку сырья мы переведем в течение суток. Но учтите, Леонова: если сорвете сроки хотя бы раз — штрафы вас разорят. Вы готовы играть по-крупному?

— Вызов принят, Аркадий Николаевич, — я широко улыбнулась, чувствуя, как по венам растекается чистый, концентрированный триумф.

— И еще одно, — директор кофейной сети тонко, почти незаметно улыбнулся углами губ. — Купите себе новые сапоги. В нашей компании приветствуется твердость на ногах во всех смыслах этого слова. Свободны.

Из кабинета я практически вылетела. Ну, точнее, выпрыгнула на своей единственной шпильке, бережно неся пустую термо-коробку. Секретарша на ресепшене проводила меня взглядом, в котором теперь читалось дикое, неприкрытое уважение. Еще бы — девица на одной ноге зашла к шефу и вышла с контрактом века.

В лифте я наконец-то позволила себе победный танец — нелепо попрыгала на левой ноге, тихонько взвизгнув от восторга. Мы сделали это! Я сделала это!

Но стоило дверям лифта открыться на первом этаже, как мой победный пыл немного угас. В роскошном, залитом светом холле бизнес-центра, прямо у панорамного окна, сидел ОН.

Майор Глеб Громов.

Он успел где-то раздобыть огромный бумажный стакан с кофе и сейчас лениво листал что-то в своем телефоне. Его огромная фигура в темно-синей куртке МЧС выглядела среди этих гламурных менеджеров и бизнесменов в идеальных пальто как скала посреди песочницы. Несколько проходящих мимо девушек в узких юбках сворачивали шеи, откровенно разглядывая сурового спасателя, но майор не обращал на них ни малейшего внимания.

Увидев меня, хромающую, но сияющую как начищенный медный таз, Глеб медленно поднялся, выбросил пустой стакан в урну и засунул руки в карманы куртки.

— Ну что, утка? — рокочущим басом спросил он, подходя ближе. — Судя по твоей довольной физиономии, твой Наполеон всё-таки завоевал эту Москву? Ну или хотя бы этот офис?

— Мы победили, Глеб Юрьевич! — я не выдержала, подскочила к нему на своей одной ноге и, потеряв равновесие, практически упала на его широкую, надежную грудь.

Громов среагировал мгновенно — его огромные ладони перехватили меня за талию, удерживая на весу. От него снова пахло этим зубодробительным коктейлем из кедра, дождя

и силы.

— Тише ты, шторм ходячий, — буркнул он, но я готова была поклясться, что его сердце под моей ладонью сделало пару лишних, быстрых ударов. — Опять сапоги ломать собралась? Контракт подписали?

— Контракт наш! — выдохнула я, глядя на него снизу вверх. Наши лица снова оказались слишком близко. Я видела, как потемнели его серые глаза, как его взгляд на долю секунды опустился к моим губам, а потом снова вернулся к глазам. — Они хотят пятьдесят тортов в день. Аванс завтра. Я... я официально успешный ресторатор-поставщик!

— Поздравляю, — тихо произнес Глеб. Его руки на моей талии сжались чуть сильнее, чем требовалось для простой поддержки, а потом он резко, словно вспомнив о чем-то, аккуратно поставил меня на пол. — Ну, раз ты теперь богатая и успешная, поехали забирать твои чемоданы. Консьерж там, небось, уже всю твою муку по карманам рассовал.

— Поехали, — согласилась я, чувствуя, как щеки снова предательски заливают румянец. — Только... Глеб Юрьевич?

— Что еще, Леонова?

— А можно... ну... до машины снова на ручках? А то у меня левая нога уже окончательно забастовала.

Майор МЧС тяжело, театрально вздохнул, закатил глаза к стеклянному потолку бизнес-центра, но спорить не стал. Он просто наклонился и в один прием подхватил меня на руки,

прижимая к своей брезентовой куртке.

— Леонова, ты худшее, что случилось со мной за всю историю моей службы, — проворчал он, шагая к выходу под завистливые вздохи секретарши.

— Я знаю, майор, — весело шепнула я ему на ухо, покрепче обнимая его за шею. — Я знаю. Это только начало.

Глава 9. Пакт о временном ненападении и финансовые маневры

Поездка обратно до жилого комплекса на Партизанской прошла в подозрительном молчании. Город за окном внедорожника уныло плавал в сером киселе октябрьского ливня, а дворники на лобовом стекле продолжали выбивать монотонный ритм. На заднем сиденье теперь сиротливо громыхла пустая термо-коробка, выполнившая свою великую историческую миссию.

Я сидела, откинувшись на мягкий подголовник, и блаженно улыбалась, глядя на экран телефона. Юрист Аристархова действительно прислал проект договора на электронную почту ровно в двенадцать. Всё было честно, прозрачно и пахло очень большими деньгами. Но была одна ма-а-ленькая, крошечная, чисто бухгалтерская загвоздка.

Строчка в самом конце документа гласила: *«Выплата авансового платежа на закупку сырья и аренду производственных мощностей производится в течение трех банковских дней с момента подписания контракта обеими сторонами».*

Три банковских дня. С учетом того, что сегодня была четверг, деньги на моем счету в лучшем случае появятся в по-

недельник [filegen-via-code]. Или во вторник. А Олег Степанович, чтоб ему всю жизнь питаться исключительно просроченным кефиром, мой залог за три месяца вперед возвращать отказался наотрез. В моем кошельке сейчас сиротливо шуршали две тысячи рублей, а на карте оставался баланс, которого едва хватило бы на чашку приличного латте и пачку сухих дрожжей.

То есть, чисто теоретически я была без пяти минут миллионершей и владелицей кондитерской империи. А чисто практически — бездомной поварихой со сломанным каблучком, которой сегодня абсолютно негде ночевать.

— Леонова, ты чего притихла? — раздался с соседнего сиденья низкий голос Глеба. Майор уверенно крутанул руль, сворачивая на Партизанскую. — Строишь планы по захвату остального кофейного рынка или подсчитываешь, сколько гераней сможешь купить на первый гонорар?

— Подсчитываю, сколько ночей мне придется провести на вокзале, завернувшись в коробку от «Наполеона», — уныло вздохнула я, утыкаясь носом в воротник пальто.

Внедорожник плавно затормозил у знакомого крыльца элитной новостройки. Глеб заглушил двигатель, повернулся ко мне всем своим необъятным корпусом и требовательно нахмурился.

— С этого места поподробнее. Твой сфинкс в пиджаке тебя всё-таки кинул?

— Нет, контракт идеальный, — я повернула к нему экран

телефона с открытым файлом. — Но аванс будет только через три дня. А у меня на картах тотальный ноль. Все свободные деньги были вложены в ту злосчастную партию маскарпоне и залог за хрущевку. Мне... мне банально не на что снять даже самый захудалый хостел на окраине, Глеб Юрьевич. Не говоря уже о поиске кулинарного цеха.

Майор МЧС молча смотрел на экран смартфона, потом перевел взгляд на меня. Я выглядела максимально жалко. Одна шпилька сломана, черничный костюм слегка помялся после моих прыжков в лифте, а на щеке, кажется, снова проявилось вчерашнее мучное пятно, которое я плохо отмыла.

Глеб тяжело, со свистом выдохнул сквозь зубы, откинулся на спину и закрыл глаза. Его пальцы мерно добарабанили по кожаной оплетке руля какой-то суровый маршевый ритм.

— Три дня, говоришь? — глухо спросил он.

— Три, — пискнула я. — Ну, может, четыре, если банк затупит. Я могу позвонить Марте, конечно... Но у неё в студии реально склад стройматериалов, там даже прилечь негде, если только на мешок с цементом.

— Ладно, утка. Вылезай, — Глеб открыл свою дверь и шагнул под дождь.

Через секунду пассажирская дверь с моей стороны распахнулась. Прежде чем я успела открыть рот, Громов привычным, уже почти автоматическим движением подхватил меня на руки, прижимая к своей куртке. Я даже спорить не стала — просто покрепче обхватила его за шею, стараясь не

думать о том, насколько мне начинает нравиться эта его манера транспортировки гражданских лиц.

Консьерж в холле встретил нас без тени удивления. Похоже, после утреннего перформанса он окончательно вычеркнул майора Громова из списка скучных холостяков и перевел в категорию загадочных романтических героев. На полу возле его стойки аккуратно выстроились мои чемоданы и сумки.

— Глеб Юрьевич, тут вот вещи вашей... гости, — вежливо кашлянул мужчина. — Всё в целости.

— Спасибо, Михалыч. Занеси ко мне в квартиру, когда освободишься. Ключ у тебя есть, — бросил Глеб, не снижая скорости и направляясь прямиком к лифту вместе со мной на руках.

— Подождите! — я испуганно захлопала ресницами, когда зеркальные двери лифта закрылись, и мы поехали на четырнадцатый этаж. — В смысле «занеси в квартиру»? Вы... вы разрешаете мне остаться?

Глеб опустил меня на пол лифта, но из-за тесноты кабины мы все равно остались стоять непозволительно близко друг к другу. Я чувствовала, как от его куртки исходит приятное тепло, а в его серых глазах снова появилось то самое выражение усталого, но непреклонного спасателя.

— Леонова, у меня есть два варианта, — ровно произнес он, глядя на меня сверху вниз. — Вариант первый: я выставлю тебя с твоими баулами на улицу, ты подхватываешь воспаление легких, срываешь контракт века, и Марта с Огне-

вым устраивают мне тотальный вынос мозга на ближайшие полгода. Вариант второй: ты остаешься в гостевой комнате до понедельника. Но на моих условиях.

— Каких условиях? — я подозрительно прищурилась, плотнее запахивая пальто. — Если это что-то противозаконное или...

Глеб издал короткий, издевательский смешок, от которого у меня по спине пробежал легкий табун искр.

— Леонова, умерь свою бурную кондитерскую фантазию. Мои условия касаются исключительно выживания моей нервной системы. Правило первое: никакой муки, сахара, теста и венчиков в этой квартире. Кухня объявляется демилитаризованной зоной. С сегодняшнего дня ты там можешь только пить чай. Исключительно пакетированный, чтобы без чаинок в раковине. Поняла?

— Поняла, — вздохнула я. Прощай, идея испечь ему благодарственный пирог.

— Правило второе: идеальный порядок. Всё, что ты приносишь в гостевую комнату, должно оставаться внутри гостевой комнаты. Если я споткнусь хотя бы об одну твою силиконовую лопатку в коридоре — лопатка улетит в мусоропровод вслед за твоей репутацией.

— Я поняла, товарищ майор. Я буду тише воды, ниже травы, — я шутливо приложила два пальца к виску.

— И третье, — Глеб шагнул из открывшихся дверей лифта к своей двери, приложил электронный ключ и пропустил

меня вперед. — Экскурсии по моему прессу, которые ты так внимательно проводила вчера вечером, официально закрыты. Увижу, что подглядываешь — выселю без выходного пособия. Вопросы?

Мои щеки мгновенно вспыхнули ярким кулинарным кармином. Я пулей влетела в прихожую, едва не потеряв по дороге многострадальный сапог без каблука, и громко захлопнула за собой дверь гостевой спальни.

— Хам! Суровый, неотесанный солдафон! — прошипела я в подушку, падая на огромную кровать. — «Экскурсии закрыты»... Да больно надо было! Подумаешь, кубики у него... У меня у самой на животе... один большой и мягкий кубик! Отличный, между прочим, кондитерский кубик!

Через полчаса Михалыч занес мои чемоданы. Я забаррикадировалась в комнате и принялась усердно разбирать вещи, стараясь разложить всё по полочкам с немецкой педантичностью, чтобы у хозяина квартиры не возникло ни единого повода для придирок. По телевизору на стене тихо крутили какой-то старый комедийный сериал, но я не вслушивалась. Все мои мысли были заняты понедельником — мне нужно было кровь из носу найти помещение под цех. Пятьдесят тортов в день на домашней духовке Глеба (какой бы шикарной она ни была) я физически выпечь не смогла бы, да и пакт о демилитаризации кухни нарушать не хотелось.

Около четырех часов дня в дверь спальни коротко, вежливо постучали.

Я вздрогнула, поправила блузку и приоткрыла дверь. На пороге стоял Глеб. Он успел переодеться в простые домашние серые джинсы и черную облегающую футболку, которая чертовски выгодно подчеркивала его необъятный разворот плеч.

— Леонова, ты там живая? — спросил он, окинув взглядом мой аккуратно прибранный номер. — Обедать собираешься? Или кондитерские боги питаются исключительно святым духом и запахом ванили?

— Я... я вообще-то проголодалась, — честно призналась я. Желудок в этот самый момент предательски и очень громко заурчал, подтверждая мои слова. — Но вы же сказали, что мне на кухне ничего трогать нельзя.

— Готовить нельзя, — поправил майор, разворачиваясь. — А есть то, что приготовил я — можно. Иди давай, утка. Пока всё не остыло.

Я удивленно моргнула и покорно поплелась за ним на кухню. На столе, где еще вчера бушевал мой мучной циклон, сейчас стояли две глубокие фарфоровые тарелки, от которых поднимался умопомрачительный, густой пар.

Я заглянула в тарелку и едва не застонала от восторга. Настоящий, классический, наваристый борщ. С идеальными кубиками свеклы, нежным мясом, которое буквально распалось на волокна от одного взгляда, и щедрой ложкой густой сметаны по центру. Рядом на доске покоились тонкие ломтики бородинского хлеба, натертые чесноком.

— Вы... вы сами это приготовили? — я потрясенно посмотрела на Глеба, который уже уверенно уплетал свою порцию.

— Леонова, если я спасатель, это не значит, что я питаюсь исключительно сухпайками и подножным кормом, — буркнул он, не поднимая глаз от тарелки. — Вкусно готовить — это базовый навык выживания для нормального мужика. Садись ешь, а то остынет.

Я взяла ложку, аккуратно зачерпнула рубиновый бульон со сметаной и отправила в рот.

О боги. Это был не просто борщ. Это был шедевр гастрономии. Сбалансированная кислинка, идеальная сладость свеклы, тонкий аромат чеснока... Я, профессиональный шеф-кондитер с кучей дипломов, поняла, что этот суровый майор МЧС прямо сейчас уложил меня на лопатки на моем же собственном поле.

— Глеб Юрьевич... — выдохнула я, зажмурившись от удовольствия. — Это... это потрясающе. Если вы когда-нибудь решите уйти из пожарной охраны, я возьму вас к себе шеф-поваром без собеседования. Клянусь!

Громовна секунду замер с поднятой ложкой. Он посмотрел на меня — растрепанную, искреннюю, с блаженным выражением лица — и на его губах снова появилась едва заметная, но невероятно теплая улыбка.

— Ешь давай, ресторатор, — тихо произнес он. — А то хвалить ты умеешь, а вот двери закрывать и карамель кара-

улить — не очень.

Мы доедали обед в уютной, почти домашней тишине. И в этот момент я поймала себя на безумной, пугающей мысли: эти три дня в квартире майора Громова обещали стать самыми экстремальными и... самыми сладкими днями в моей жизни. Пакт о ненападении был подписан, но искры между нами продолжали лететь с такой силой, что никакой огнетушитель МЧС здесь явно бы не справился.

Глава 10. Курс выживания и искры из глаз

Пятничное утро началось с того, что я чуть не сломала нос о каменную грудь майора Громова. Буквально.

Я сонная плелась в ванную, на ходу пытаюсь завязать непослушный шнурок на домашних штанах (сегодня я предусмотрительно сменила утиные шорты на глухой спортивный костюм, чтобы не провоцировать хозяина квартиры на новые лекции). Глеб в этот же момент выходил из своей спальни, застегивая на ходу наручные часы. В коридоре произошло неизбежное столкновение двух космических тел: маленького, кондитерского и большого, спасательного.

Я отлетела назад, потеряв равновесие, но Громов перехватил меня за локоть, возвращая в вертикальное положение.

— Леонова, у тебя датчики сближения вообще не работают? — пророкотал он, глядя на меня сверху вниз своей привычной грозовой манерой.

— Это у вас габариты слишком неформатные, Глеб Юрьевич! — огрызнулась я, потирая ушибленный лоб. — Пройти невозможно, сплошная зона повышенного риска.

— Раз уж ты заговорила о рисках, — майор вдруг тонко, почти хищно усмехнулся. — Сегодня у меня законный выходной. И я решил, что оставлять гражданское лицо с пони-

женным чувством самосохранения в моем доме без инструктажа — это преступная халатность.

— Какого еще инструктажа? — я подозрительно прищурилась.

— Курс молодого бойца по пожарной безопасности, утка. Живя со мной, ты обязана знать, как тушить карамель, куда бежать при задымлении и как устроен огнетушитель. Жду тебя на кухне через десять минут. Вменяемую, умытую и готовую впитывать знания.

Через десять минут я, ворча под нос все известные мне кондитерские ругательства, сидела за гранитным столом. Глеб стоял напротив, и — о боги! — в его руках был настоящий, тяжелый красный огнетушитель. Настоящий наглядный материал.

— Итак, Леонова, — начал он тоном строгого профессора академии МЧС. — Классификация пожаров. Твой вчерашний случай — это класс «Б», горение жидких или плавящихся твердых веществ. В твоём случае — сахара. Какое первое правило при тушении горящего масла или карамели на плите?

— Залить всё водой из-под крана? — невинно похлопала я ресницами, чисто ради того, чтобы посмотреть, как дернется его железная челюсть.

Челюсть дернулась. Глеб медленно опустил огнетушитель на пол и сделал шаг к столу, опершись на него ладонями и нависая надо мной.

— Если ты зальешь кипящее масло или сахар водой, Леонова, произойдет мгновенный выброс пара и взрывной всплеск. И твоя симпатичная физиономия вместе с твоими уточками превратится в один большой обгоревший блин. Первое правило: перекрыть доступ кислорода. Накрыть кастрюлю крышкой. Выключить конфорку. Запомнила?

— Запомнила, — я сглотнула, внезапно осознав, насколько близко его лицо. От него пахло мятной пастой и чистотой. Его серые глаза сейчас смотрели на меня без привычного раздражения — в них горел чистый, концентрированный мужской интерес, от которого у меня внизу живота снова предательски потеплело.

— Хорошо, — Глеб выпрямился, но атмосферу в кухне это уже не спасло. Воздух между нами словно наэлектризовался, став плотным и тягучим, как та самая карамель. — Теперь практика. Подойди сюда.

Я послушно поднялась и подошла к нему. Майор развернул меня спиной к себе, прижав мое тело к своей груди, и положил свои огромные, горячие ладони поверх моих рук, заставляя меня перехватить тяжелый металлический корпус огнетушителя.

— Держи крепко. Левая рука на шланге, правая на чеке, — его низкий, вибрирующий голос раздался у самого моего уха, обжигая кожу дыханием. — Сначала срываем пломбу. Выдергиваем чеку. Направляем сопло на очаг...

Я вообще не слышала, что он говорит. Всё мое внимание

было сосредоточено на физических ощущениях. Спиной я чувствовала каждый кубик его пресса (да-да, того самого, экскурсии по которому были закрыты), мощный разворот его грудной клетки и мерный, тяжелый стук его сердца. Мои пальцы казались крошечными в его руках. Градус на кухне стремительно рос, пробивая все мыслимые температурные шкалы.

— Леонова, ты меня слушаешь? — тихо спросил Глеб. Его голос изменился — стал глуше, глубже, потеряв командирские нотки.

— Слушаю... — прошептала я, оборачиваясь к нему через плечо.

Это было тактической ошибкой. Мои губы оказались в паре сантиметров от его подбородка. Глеб замер. Огнетушитель между нами вдруг показался совершенно лишним предметом. Майор плавно, не разжимая рук, опустил тяжелый баллон на пол, но меня от себя не отпустил. Напротив — его ладони скользнули выше по моим предплечьям, разворачивая меня к себе лицом и аккуратно прижимая бедром к краю гранитной столешницы.

— Ты ходячая катастрофа, утка, — выдохнул он, и в его глазах полыхнуло такое откровенное, голодное пламя, от которого перехватило дыхание.

— Вы... вы нарушаете пакт о ненападении, товарищ майор, — попыталась пошутить я, но голос сорвался на хрип.

Глеб ничего не ответил. Он просто медленно, дразняще

медленно наклонился к моему лицу. Я инстинктивно приоткрыла губы, затаив дыхание. Расстояние между нами сократилось до какого-то несчастного миллиметра. Я чувствовала жар его кожи, видела, как потемнел его взгляд, как его пальцы на моих плечах сжались сильнее, выдавая его собственную внутреннюю борьбу. Еще секунда — и этот гранитный майор разрушил бы все свои железные правила к чертям.

И в этот самый интимный, звенящий момент, подобно грому среди ясного неба, раздался оглушительный, заливиственный звонок моего мобильного телефона. Он лежал на столе, прямо рядом с нами, и вибрировал с такой силой, что едва не падал на пол.

Экран горел ярким светом, показывая имя: **«Аркадий Аристархов (Гендиректор)»**.

Глеб замер, уткнувшись лбом в мою шею. Его тяжелое, прерывистое дыхание обжигало мне кожу. Он медленно открыл глаза, посмотрел на вибрирующий телефон, потом на меня — с припухшими губами, растрепанную, практически сидящую на его столе.

Майор сделал глубокий вдох, выпуская мою талию из своих стальных объятий, и сделал шаг назад, проводя ладонью по лицу. Голодный блеск в его глазах медленно сменялся привычным, контролируемым выражением лица спасателя.

— Твой... работодатель звонит, Леонова, — глухо произнес он, кивнув на мобильник. — Ответь. Бизнес не ждет.

Я кое-как сползла со столешницы, судорожно поправляя

задравшуюся кофту и пытаюсь унять бешеную дрожь в руках. Схватила телефон, сделала три глубоких вдоха, пытаюсь вернуть голосу рабочую тональность, и нажала на кнопку приема.

— Да, Аркадий Николаевич? Здравствуйте.

— Леонова, — раздался в трубке ледяной, деловой голос сфинкса. — Юристы подписали контракт. Деньги ушли на ваш счет авансом. Но у меня для вас новость. График меняется. Первая партия из пятидесяти тортов должна быть в наших кофейнях не через три дня, а завтра в восемь утра. У нас экстренное открытие флагманского центра, нужен фурор. Вы справляетесь? Или мне аннулировать договор?

У меня внутри всё заledenело. Завтра в восемь утра. Пятьдесят тортов.

Я посмотрела на Глеба. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, суровый, закрытый, но его взгляд был прикован ко мне.

— Я... я справлюсь, Аркадий Николаевич, — твердо ответила я, понимая, что подписываю себе смертный приговор. — Партия будет вовремя.

Повесив трубку, я уныло посмотрела на хозяина квартиры.

— Глеб Юрьевич... Кажется, мне срочно нужно нарушить наше правило номер один. Мне нужна ваша итальянская духовка. Прямо сейчас. На всю ночь. Иначе мне конец.

Майор МЧС медленно повернулся ко мне, посмотрел на

мои несчастные глаза, потом на демилитаризованную кухню, вздохнул.

—Похоже, сегодня спасать будем не тебя, а твою кондитерскую империю. Заказывай муку.

Глава 11. Мука, бицепсы и тактический замес

— Пятьдесят штук? Леонова, ты вообще в своем уме? Ты понимаешь, сколько это в килограммах? — Глеб стоял посреди кухни, уперев руки в бока. На его лице читалась смесь искреннего мужского ужаса и профессионального интереса спасателя, перед которым поставили задачу эвакуировать целый зоопарк во время наводнения.

— Триста пятьдесят килограммов готового продукта, — деревянным голосом отозвалась я, лихорадочно калькулируя цифры в уме. — Это примерно семьдесят килограммов муки, сорок пять килограммов сливочного масла, около сорока литров молока и... бесконечное количество моих нервных клеток. Курьеры круглосуточной доставки уже собирают заказы. Они привезут всё через полчаса. В три захода.

Глеб медленно перевел взгляд на свою безупречно чистую, вылизанную до стерильности кухню, затем на меня. Я стояла перед ним, зажав телефон в кулаке, бледная, взъерошенная, готовая прямо сейчас упасть в обморок от осознания масштаба грядущей катастрофы. Поцелуй, который еще пять минут назад едва не случился между нами прямо на этой столешнице, окончательно растворился в суровых реалиях малого бизнеса. Искры в воздухе сменились запахом

пороха и паники.

— Так, утка. Отставить истерику, — майор МЧС внезапно переключился в свой командный режим, от которого у меня спина сама собой выпрямлялась. — Раз уж я ввязался в это блудняк, будем действовать по протоколу ликвидации ЧС. Первое: одной твоей жужжалке, — он кивнул на мой планетарный миксер, — с таким объемом не справиться. Он просто сгорит через два часа непрерывной работы. Месить придется вручную.

— Вручную?! — я испуганно округлила глаза. — Слоеное тесто для «Наполеона»? Да у меня руки отвалятся на тридцатом килограмме! Там же нужно масло вбивать слоями, его нельзя перегревать, ладони должны быть холодными...

— У меня холодные ладони, Леонова. И очень крепкие, — Глеб шагнул к кухонному шкафу и решительно сорвал с крючка свой единственный фартук — строгий, черный, с логотипом какого-то брутального гриль-бара. — Показывай рецептуру. Буду твоим главным тестомесом.

Я замерла, глядя, как этот двухметровый шкаф специального назначения завязывает лямки фартука на своей широкой талии. Черная ткань обтянула его мощную грудь, а закатанные по локоть рукава открывали вид на рельефные предплечья, покрытые легкой сетью вен. Майор МЧС на кондитерском замесе — если бы мне кто-то рассказал такое неделю назад, я бы решила, что это сюжет для очень странного и очень горячего комедийного фильма.

— Чего застыла? — Громов обернулся, заметив мой за-
торможенный взгляд. — Время идет. Инструктируй бойца.

Через тридцать минут элитная ведомственная квартира на Партизанской окончательно перестала быть холостяцким раем. Три курьера в ярко-желтых куртках, тяжело дыша, за-
тащили в прихожую гору коробок. Кухня Глеба превратилась в склад сырья стратегического назначения.

— Так, Глеб Юрьевич, слушайте боевую задачу, — я на-
конец взяла себя в руки, включая режим шеф-кондитера. Страх уступил место профессиональному азарту. — Слое-
ное тесто не терпит суеты. Муку просеять через сито вот в этот огромный пластиковый таз, который я предусматри-
тельно купила. Масло рубим кубиками. Оно должно быть ле-
дяным! Руками его трогать как можно меньше, иначе раста-
ет от тепла кожи, и слои не получатся. Понятно?

— Принято, — четко отозвался Громов, забирая у меня
из рук массивный шеф-нож.

И работа закипела. Следующие несколько часов слились
для меня в один бесконечный, безумный марафон. Воздух
на кухне стремительно прогревался, пропитываясь ароматом
сливочного масла и ванилина. Кипенно-белая мучная пыль,
несмотря на все наши усилия, легким слоем легла на серые
дизайнерские стены и хромированную вытяжку. Пакт о де-
милитаризации кухни был не просто нарушен — он был рас-
топтан, сожжен и развеян по ветру.

Глеб оказался идеальным подчиненным. Его физическая

сила была как раз тем, чего мне всегда не хватало при промышленных объемах. Он ожесточенно, с глухим рыком месил огромные пласты теста в пластиковом тазу, и его мощные бицепсы под черной футболкой перекачивались с такой пугающей эффективностью, что я периодически зависала с венчиком в руке, забывая, что именно должна делать.

— Леонова, не отвлекаться на личный состав, — не обращившись, пророкотал майор, точно угадав направление моего взгляда. — Коржи горят.

— Ой! — я подскочила к духовке, распахивая дверцу.

Жар ударил в лицо. Я ловко выхватила противень с идеально золотистыми, пузырящимися коржами. Конвекция в духовке Глеба действительно была божественной — слои поднимались ровно, образуя идеальную хрустящую текстуру.

К трем часам ночи мы оба были похожи на выживших после взрыва на кондитерской фабрике. Мой черничный костюм, естественно, давно сменился на домашнюю футболку, которая теперь была щедро украшена заварным кремом. На носу Глеба красовался белый мучной мазок, а его мокрые от пота темные волосы забавно растрепались.

— Сколько осталось? — Глеб тяжело опустился на табурет, вытирая лоб тыльной стороной ладони. На его плечах и груди сквозь ткань футболки отчетливо проступал рельеф мышц — парень отпахал полноценную тренировку в тренажерном зале, только вместо штанги у него было слоеное те-

сто.

— Еще пятнадцать тортов собрать, — я устало прислонилась спиной к холодильнику, чувствуя, как ноги окончательно превращаются в вату. Глаза слипались, а в голове шумело от непрерывного гула духовки. — Глеб... спасибо вам. Я бы одна... я бы на двадцатом торте просто легла в этот таз и умерла.

Майор медленно поднял голову. В его серых глазах, уставших, но непривычно мягких, отражался свет кухонных ламп. Расстояние между нами снова сократилось — не физически, а как-то ментально. Мы вместе прошли через этот кулинарный ад, и это связывало сильнее, чем любые формальные пакты.

— Ладно тебе, утка, — тихо, с легкой хрипотой в голосе произнес он. — Спасать людей — моя работа. А твоя кондитерская империя — это, считай, объект повышенной важности. Давай свои коржи, добьем эту партию. Нам через четыре часа сдавать объект заказчику.

В четыре тридцать утра все пятьдесят тортов, аккуратно упакованные в коробки, ровными штабелями выстроились вдоль коридора и прохладной прихожей. Квартира напоминала кондитерский терминал крупного аэропорта. В воздухе стоял такой густой ванильный дух, что его, казалось, можно было резать ножом.

Я без сил упала на диван в гостиной, даже не потрудившись снять испачканную мукой футболку. Глаза закрыва-

лись сами собой. Глеб вошел в комнату, на ходу стягивая с себя черный фартук. Он посмотрел на меня — бледную, с темными кругами под глазами, но абсолютно счастливую кондитершу.

— Всё, Леонова. Отбой, — Громов подошел к дивану, наклонился и аккуратно набросил на мои плечи мягкий шерстяной плед. — Два часа сна у тебя есть. В семь утра подъем. Поедем сдавать твою контрабанду Аристархову.

— Глеб... — сонным голосом пробормотала я, уютно закрываясь носом в плед, который пах его парфюмом. — Вы лучший майор во вселенной...

— Спи давай, катастрофа, — тихо буркнул он, задерживая взгляд на моем лице чуть дольше обычного.

Он развернулся и ушел к себе, тихо прикрыв дверь. А я провалилась в глубокий, сладкий сон, где огромные двенадцатикилограммовые утки в касках МЧС бережно несли меня над застывшим в пробках городом прямо к вершине кондитерского олимпа.

Глава 12. Флагманский триумф и генерал на горизонте

Семь часов утра субботы ворвались в мою многострадальную голову со скоростью пожарной сирены. Впрочем, это и была сирена — точнее, будильник на телефоне Глеба, который он настроил с точностью армейского хронометра.

Я подорвалась на диване, завернувшись в плед как гусеница в кокон, и испуганно захлопала глазами. Мысли в голове путались, а мышцы спины и рук болели так, словно я всю ночь не коржи раскатывала, а разгружала вагоны с углем вручную. Хотя, если вспомнить триста пятьдесят килограммов кондитерского веса, плавно рассредоточенного по прихожей майора Громова, аналогия с углем была не такой уж далекой от истины.

— Подъем, Леонова. Время не ждет, — из кухни донесся бодрый, совершенно не уставший рокот хозяйского баса.

Я уныло поплелась на кухню, волоча за собой плед по идеально чистому паркету. Глеб уже стоял у плиты — свежесбритый, пахнущий бодрящим ментоловым гелем для душа и... в безупречно отглаженной парадной форме МЧС. Темно-синий китель с золотистыми нашивками и погонами майора сидел на его широких плечах так, что у меня на секунду перехватило дыхание. Мужчина в форме — это в принципе

запрещенный прием, а мужчина в парадной форме, который варит тебе утренний эспрессо после ночи совместного замеса теста — это стопроцентный нокаут для девичьей психики.

— Глеб Юрьевич... — я зажмурилась, утыкаясь носом в плед. — Вы зачем так официально вырядились? Решили лично испугать Аристархова своими погонами, чтобы он сразу подписал акт приема?

— Бери выше, утка, — Глеб повернулся, удерживая в руке чашку с дымящимся кофе, и протянул ее мне. — Сегодня в управлении торжественное собрание, прилетает министерская проверка и сам генерал-полковник. Мне нужно быть при всем параде к десяти ноль-ноль. Так что у нас ровно полтора часа, чтобы загрузить твой хлебозавод в машину, довести до флагманского центра «Шоко-Латте» и сдать объект. Марш в душ, Леонова. Пять минут на сборы.

— Пять минут — это преступно мало для женщины! — возмутилась я, хватая кофе.

— Для женщины — мало. Для кондитера на грани банкротства — в самый раз, — отрезал майор, но в его серых глазах снова промелькнула тёплая, едва заметная ироничная искра.

Транспортировка пятидесяти коробок с «Наполеонами» напоминала секретную спецоперацию. Михалыч, консьерж ЖК, выделил нам огромную грузовую тележку для багажа. Глеб с легкостью подхватывал по четыре коробки за раз, бережно укладывая их в багажник и на задние сиденья свое-

го огромного черного внедорожника. Машина просела под тяжестью сладкого груза, а внутри салона воцарился такой плотный, концентрированный аромат ванильного крема и хрустящих коржей, что, казалось, даже приборы на панели начали пахнуть карамелью.

Я ехала на пассажирском сиденье в своем втором — и последнем уцелевшем — деловом костюме нежно-пудрового цвета. На ногах красовались запасные замшевые ботильоны на устойчивом, широком каблуке. Никаких больше шпилек. Уроки гравитации я усваивала с первого раза.

Субботний утренний город, к счастью, был относительно пуст. Дождь прекратился, уступив место холодному, прозрачному октябрьскому солнцу. Внедорожник Глеба уверенно рассекал лужи, двигаясь к Невскому проспекту, где прямо посреди исторического квартала сегодня открывался новый, флагманский центр «Шоко-Латте».

Когда мы припарковались у огромных витрин, украшенных гирляндами из живых цветов и воздушных шаров, у входа уже суежилась толпа организаторов, официантов в черных фартуках и замерзших репортеров. По центру этого предпраздничного хаоса, словно дирижер на репетиции оркестра, прохаживался сам Аркадий Аристархов. На нем было безупречное кашемировое пальто, а лицо выражало привычную, ледяную уверенность сфинкса.

— Леонова, — Аристархов резко развернулся на каблуках дорогих туфель, когда я вышла из машины. Он перевел

взгляд на часы на руке. — Семь часов сорок пять минут. Пунктуально. Но где же...

В этот момент дверь внедорожника распахнулась, и из салона вышел майор Громов при всем своем парадном великолепии, удерживая в руках первую стопку коробок с фирменными наклейками «Влада Леонова. Авторские десерты».

Организаторы замерли. Официанты прекратили расставлять столы. Аристархов медленно перевел взгляд с золотых погон Глеба на коробки с тортами, и его брови привычно поползли вверх.

— Насколько я понимаю, Леонова, ваше кондитерское производство находится под личным патронажем Министерства по чрезвычайным ситуациям? — сухо поинтересовался гендиректор, делая шаг к машине.

— Исключительно в рамках ликвидации последствий ночного цейтнота, Аркадий Николаевич, — я упрямо вскинула подбородок, забирая у Глеба верхнюю коробку. — Все пятьдесят штук прибыли в идеальном состоянии. Шелковый маскарпоне, тридцать слоев хруста. Можете проверять.

Аристархов сделал знак своим администраторам. Началась суматошная, быстрая разгрузка. Коробки одна за другой исчезали в недрах огромных ресторанных холодильников флагмана. Технолог сети, лично вскрыв три случайные коробки для проверки контроля качества, выпрямился и восторженно кивнул директору:

— Аркадий Николаевич, кондиция идеальная. Стандарты

выдержаны до грамма. Это фурур.

Аристархов удовлетворенно хмыкнул, достал из кармана пальто дорогую ручку и размашисто подписал акт приемки-передачи прямо на капоте внедорожника Глеба.

— Отличная работа, Леонова, — произнес он, протягивая мне документ, который официально открывал мне путь к моим первым миллионам. — Аванс уже на вашем счету, проверяйте. И... передайте вашему суровому конвою, что, если он решит сменить ведомство, я готов обсудить с ним контракт на должность начальника службы безопасности нашей сети. С отличным окладом.

— Принято, Аркадий Николаевич, но майор Громов родину на пирожные не меняет, — весело отбрила я, пряча документ в сумочку.

Когда мы вернулись в машину, меня буквально распирало от счастья. На экране телефона высветилось заветное уведомление от банка: сумма с шестью нулями упала на счет. Я официально была спасена от долговой ямы и бездомного существования.

— Глеб Юрьевич! — я повернулась к майору, который уже заводил двигатель, чтобы успеть в свое управление. — Мы сделали это! Деньги пришли! Я сегодня же сниму цех, найду квартиру, и ваша стерильная кухня снова станет демилитаризованной зоной! С меня... с меня самый лучший, самый огромный благодарственный обед в вашей жизни!

Глеб крутанул руль, выруливая на набережную. Его про-

филь в лучах утреннего солнца выглядел суровым, но в уголках губ притаилась та самая ленивая мужская улыбка.

— Рано радуешься, утка. Сначала найди цех, который выдержит твои аппетиты. А насчет квартиры... — он на секунду замолк, перестраиваясь в левый ряд. — Можешь не пороть горячку. До понедельника гостевая спальня в твоём распоряжении. Я сегодня все равно ночую в части, у нас усиление из-за министерской проверки. Так что квартира в твоём полном распоряжении. Главное — не забудь закрыть балкон.

— Обещаю! Никаких балконов и карамели! — рассмеялась я.

Через двадцать минут внедорожник затормозил у массивных ворот Главного управления МЧС. Здание было украшено флагами, на плацу чеканили шаг курсанты, а у входа толпились высшие чины ведомства в парадных мундирах. Атмосфера дышала строгой государственной важностью.

— Сиди в машине, Леонова, я быстро занесу документы в канцелярию и отвезу тебя обратно на Партизанскую, — Глеб заглушил мотор, подхватил папку с рапортом и открыл дверь.

— Хорошо, товарищ майор, — послушно кивнула я, устраиваясь поудобнее на кожаном сиденье.

Прошло минут десять. Мне стало скучно сидеть в салоне, и я решила приоткрыть окно, чтобы вдохнуть свежего осеннего воздуха. Окно плавно поехало вниз, и до меня донеслись отголоски разговоров с плаца.

Прямо у главного входа, в окружении нескольких полковников, стоял высокий, седовласый мужчина с широкими генеральскими погонями. Судя по всему, тот самый генерал-полковник из министерства. А рядом с ним...

Рядом с ним стояла девушка.

Я профессиональным женским взглядом мгновенно оценила соперницу. Лет двадцати пяти, безупречная, холеная блондинка в дорогом белоснежном пальто и сапожках на головокружительной шпильке. Ее лицо дышало самым капризным высокомерием, которое бывает только у дочек очень больших начальников. Она лениво крутила в пальцах брелок от дорогого авто и явно скучала среди суровых мужчин в форме.

Я инстинктивно потянулась к зеркалу заднего вида на солнцезащитном козырьке, опустила его и устроила себе экстренный, безжалостный мысленный техосмотр.

Что мы имеем в активе? Мне двадцать шесть. Самый прекрасный возраст, когда ты уже не наивная студентка, но еще и не думаешь о покупке антивозрастного крема ведрами. Природа наградила меня копной непослушных, вечно выющихся темно-каштановых волос, которые сейчас, после бессонной ночи в мучной пыли, напоминали взрыв на макаронной фабрике, несмотря на все попытки пригладить их дорогой сывороткой. Глаза — большие, карие, обычно сияющие упрямством, а сейчас подчеркнутые аккуратными тенями усталости. Нос слегка вздернутый, а на щеках — о боги, я

всё-таки пропустила это! — легкий след от заварного крема, который я приняла за естественный румянец.

Мой пудровый брючный костюм сидел на фигуре отлично, подчеркивая аккуратную грудь и округлые бедра. Я никогда не была тростинкой — кондитер по определению не может выглядеть как узник диеты, — и всегда гордилась своими аппетитными формами, которые Глеб так бесцеремонно закидывал на плечо.

Но на фоне этой фарфоровой министерской куклы в белоснежном кашемире я сейчас чувствовала себя взъерошенным боевым воробьем, который только что вернулся со штурма кондитерского склада. У нее — шпильки, безупречный маникюр и папа-генерал. У меня — запасные ботильоны, планетарный миксер в сумке и пятьдесят сданных «Наполеонов» за плечами.

В этот момент из стеклянных дверей управления вышел Глеб. Его высокая, мощная фигура в парадном кителе мгновенно привлекла внимание. Он четко, по-военному приложил руку к козырьку каски, приветствуя генерала.

— А, майор Громов! — громогласно разнеслось по плацу. Генерал добродушно похлопал Глеба по плечу. — Отличная работа на вчерашнем пожаре в промзоне. Рапорт твой принял. Молодец, Глеб. Далеко пойдешь.

Блондинка в белом пальто при появлении Глеба мгновенно преобразилась. Ее ленивая мина сошла с лица, глаза хищно заблестели, а на губах появилась собственническая, при-

торно-сладкая улыбка. Она сделала два изящных шага вперед, бесцеремонно сокращая дистанцию с майором, и положила свою ладонь в тонкой кожаной перчатке прямо на его предплечье — ровно туда, где еще вчера красовались мои мучные отпечатки.

— Глебчик, ну наконец-то! — капризно защebetала она, и ее голос долетел до приоткрытого окна внедорожника с пугающей отчетливостью. — Папа сказал, что ты освободишься к двенадцати. Мы же едем сегодня в загородный клуб? Я уже забронировала нам столик на ужин. Ты обещал!

Я внутри машины так и замерла, намертво вцепившись пальцами в кожаную обивку двери. *Глебчик?!*

Майор Громов едва заметно дернул плечом, пытаясь аккуратно освободиться от ее захвата, но блондинка держала крепко. Ее взгляд скользнул по плацу и... внезапно наткнулся на огромный черный внедорожник Глеба, припаркованный у ворот. И на меня, сидящую на пассажирском сиденье со слегка приоткрытым окном.

Наши взгляды встретились сквозь лобовое стекло. Холерные бровки генеральской дочки взлетели вверх, а улыбка мгновенно превратилась в ледяную маску оскорбленного достоинства. Она затылком почувствовала, что на ее законной территории появилась посторонняя, подозрительная «утка». И эта «утка» явно провела в машине ее Глебчика слишком много времени, учитывая, что от внедорожника на весь плац разило густым, греховным ароматом ванильного крема мас-

карпоне.

Глава 13. Ревность со вкусом ванили и генеральский гнев

Зеркальце на солнцезащитном козырьке захлопнулось с таким глухим, яростным щелчком, что, кажется, едва не треснуло пополам. Я сердито скрестила руки на груди, уставившись прямо перед собой на лобовое стекло, по которому лениво скатывались редкие капли утреннего дождя.

На плацу Главного управления тем временем разворачивалась финальная сцена министерского пафоса. Холеная Наденька — или как там ее величал папа-генерал — продолжала виснуть на локте Глеба, заглядывая ему в лицо с такой сахарной улыбкой, что у меня заболели зубы. Сам майор Громов выглядел как гранитный монумент, на который случайно приземлился наглый породистый голубь: лицо кирпичом, плечи развернуты, рука по-прежнему у козырька. Он что-то коротко ответил генералу, чеканя слова, после чего наконец-то аккуратно, но решительно отцепил от своего кителя безупречные пальчики блондинки.

Генерал-полковник одобрительно кивнул, увлекая дочку в сторону припаркованного представительского лимузина, а Глеб развернулся кругом и чеканным, размашистым шагом направился к своему внедорожнику.

Когда массивная водительская дверь распахнулась, в са-

лон вместе с майором ворвался морозный воздух и тяжелый, удушающий шлейф Надиных духов — приторно-сладких, дорогих и до безумия раздражающих. Моя натуральная мадагаскарская ваниль по сравнению с этим химическим оружием была просто эталоном изящества.

Глеб запрыгнул на сиденье, швырнул папку с рапортом на панель и со вздохом облегчения, снял с головы парадную фуражку, аккуратно положив её на соседнее сиденье, взъерошив свои короткие темные волосы.

— Ну всё, Леонова, — пророкотал он, заводя двигатель. — С канцелярией покончено. Едем на Партизанскую, выгружу твое брентное тело, и у меня наконец-то начнется законный...

Он осекся, наконец-то соизволив повернуться ко мне лицом.

Я сидела неподвижно, упрямо глядя на приборную панель. Мои губы были сжаты в узкую, бледную линию, а пудровый пиджак, казалось, так плотно облегал плечи от внутреннего напряжения, что готов был треснуть по швам.

— Леонова? — Глеб подозрительно прищурился, удерживая руку на рычаге переключения передач. — Ты чего заклинила? Тебя что, Аристархов укусил своим ледяным взглядом сквозь бумагу? Деньги же на счету, радоваться надо.

— Я абсолютно счастлива, Глеб Юрьевич, — ледяным, неестественно вежливым тоном произнесла я, даже не повернув головы в его сторону. — Моя кондитерская империя

процветает. Контракт в кармане. Жизнь бьет ключом. Преимущественно по голове.

Громов издал короткий, озадаченный смешок, плавно трогая тяжелую машину с места и выруливая за ворота управления МЧС.

— Ну да, я вижу. По твоему лицу заметно, что ты сейчас готова взорвать как минимум пару пожарных расчетов. Что случилось-то? Ноги опять заболели? Сапог жмет?

— Мои сапоги в идеальном порядке, в отличие от некоторых сотрудников министерства, — я наконец соизволила удостоить его язвительным взглядом карих глаз. — Скажите, майор, а «Глебчик» — это ваше официальное звание по регламенту МЧС или исключительно для внутреннего пользования генеральских дочек в белом кашемире?

В салоне внедорожника мгновенно воцарилась такая звенящая, густая тишина, что в ней отчетливо слышался тихий щелчок реле поворотов.

Глеб на секунду даже ослабил хватку на руле. Он медленно повернул голову ко мне, и на его суровом лице, покрытом легкой утренней щетиной, стало проступать выражение абсолютного, неприкрытого мужского триумфа. Ленивая, убийственная усмешка, которую я вчера так отчаянно пыталась разведеть, снова поползла по его губам.

— Так ты... окно, что ли, открывала? — вкрадчиво спросил он, и в его низком басы слышались чертовски довольные, вибрирующие нотки.

— Воздуха мне не хватало! — огрызнулась я, чувствуя, как щеки предательски заливают горячая волна румянца. — В вашей машине слишком сильно пахнет чужими кондитерскими изделиями! И вообще, Глеб Юрьевич, у вас там загородный клуб стынет! И столик на двенадцать ноль-ноль забронирован! Зачем вы тратите свое драгоценное генеральское время на бездомную утку в испачканном кремом костюме? Езжайте к своей фарфоровой кукле, она вас там, небось, уже всюю ждет, крутит брелок от папиного мерседеса!

Громов не выдержал. Он откинул голову назад и громко, раскатисто расхохотался на весь салон. Этот смех — живой, глубокий, без тени привычной командирской строгости — заставил мое сердце сделать несколько лишних, панических ударов.

— Леонова, ты ревнуешь, что ли? — отсмеявшись, спросил он, уверенно перестраиваясь в средний ряд набережной.

— Я?! Ревную?! — я чуть не задохнулась от возмущения, намертво вцепившись пальцами в свою сумочку. — Да с какого перепугу мне ревновать сурового солдафона с топором, который выбил мою дверь, растоптал мою герань и заставил меня полночи драить свою стерильную кухню?! Я профессиональный шеф-кондитер! Мне двадцать шесть лет, у меня контракт на пятьдесят тортов в день! Мне некогда заниматься глупостями! Я просто... просто ценю чужую пунктуальность! И не люблю, когда меня задерживают из-за чужих блондинок!

— Во-первых, я с ней не любезничал, а докладывал её отцу о ликвидации пожара на промзоне, — Глеб резко крутанул руль, и его голос снова приобрел привычную, жесткую майорскую тональность. Ирония исчезла, уступив место раздражению. — Во-вторых, Надя — дочка моего начальника. И если она считает, что может командовать моим личным временем, это её проблемы, а не твои. Я ни в какой загородный клуб не собирался и не собираюсь. Так что прикрути свой фитиль, утка. Твои кондитерские капризы в моем салоне не работают.

— Вот и отлично! — припечатала я, отворачиваясь к окну. — Вот и замечательно! Очень рада, что мы друг друга поняли, товарищ майор!

В салоне воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Мы оба сидели злые, наэлектризованные после ночной смены и этого глупого утреннего инцидента. Искры между нами летели, но теперь это были искры чистой, первозданной злости и упрямства. Мы снова были на тропе гастрономической войны.

Внедорожник плавно заехал во двор нашего ЖК на Партизанской. Я уже мысленно собиралась вызвать такси, забрать чемоданы у консьержа и навсегда исчезнуть из жизни этого грубияна. Но стоило нам выйти из машины, как к Глебу подбежал бледный как полотно Михалыч. Консьерж судорожно комкал в руках форменную кепку, а его глаза испуганно бегали с Глеба на меня.

— Глеб Юрьевич... тут такое дело... — заикаясь, произнес мужчина. — Пять минут назад из управления вашего звонили. И из городской санэпидемстанции. И из пожарного надзора округа...

Я замерла на месте, похолодев от дурного предчувствия. Глеб нахмурился, его лицо мгновенно превратилось в суровую гранитную плиту.

— Ближе к делу, Михалыч. Кто звонил и зачем?

— В общем... поступила официальная жалоба от граждан. Мол, в вашей квартире организовано незаконное кондитерское производство, нарушаются все санитарные нормы, пахнет гарью и... мучная пыль угрожает вентиляции всего дома. Сказали, едет экстренная проверка с проверкой документов. Лично от генерала Борисова распоряжение.

Я медленно перевела взгляд на Глеба. Пазл в голове сложился мгновенно.

Наденька. Фарфоровая кукла в белом пальто не поленилась. Она затылком почувствовала соперницу, увидела меня в машине и решила уничтожить мою только что зародившуюся империю (а заодно и проучить строптивого майора) одним ударом папиного генеральского телефона. Проверка едет прямо к Глебу домой. Туда, где на кухне до сих пор, несмотря на всю мою уборку, в воздухе витает стойкий аромат пятидесяти свежееиспеченных «Наполеонов».

Глеб медленно повернулся ко мне. Его серые глаза потемнели до цвета грозовой тучи, а челюсть сжалась так, что на

щеках заходили желваки.

— Ну что, Леонова, — тихо, пугающе спокойно произнес майор МЧС, поправляя воротник парадного кителя. — Похоже, твои утки принесли нам крупные неприятности. Нас собираются брать штурмом.

Глава 14. Кондитерский камуфляж и битва за стерильность

— В смысле «проверка от генерала»?! — взвизгнула я, едва двери лифта захлопнулись, и мы на бешеной скорости понеслись на наш четырнадцатый этаж. — Глеб Юрьевич, это же чистой воды превышение должностных полномочий! Ваша блондинка просто маньячка с административным ресурсом!

— Леонова, рот закрой, а? — Глеб стоял, прислонившись спиной к зеркальной стене лифта, и яростно срывал с себя парадный галстук. Его лицо напоминало грозовой фронт, готовый выдать торнадо. — Про должностные полномочия ты будешь рассуждать в камере предварительного заключения, если инспекторы найдут в моей прихожей хоть одну крупинку твоей Мадагаскарской контрабанды. У нас есть ровно десять минут до того, как эта свора прибудет на объект.

Дзинь! — лифт долетел до этажа.

Громов вылетел на площадку первым. Я, проклиная свои новые устойчивые ботильоны, которые всё равно уступали его армейскому шагу, едва успевала семенить следом. Тяжелая бронированная дверь квартиры распахнулась от одного прикосновения электронного ключа.

В нос мгновенно ударил густой, плотный, предательски

сладкий аромат свежей выпечки, топленого масла и ванили. Квартира пахла так, словно здесь только что открылся кондитерский завод «Красный Октябрь» в миниатюре. Любой инспектор санэпидемстанции прямо с порога мог выписывать нам штраф размером с бюджет небольшого африканского государства.

— О боги... — я в панике зажала нос ладонью. — Тут пахнет так, будто мы здесь не торты пекли, а совершали ритуальные жертвоприношения кондитерскому богу.

— Леонова, хорош причитать! Врубай свой турбо-режим, — Глеб на ходу сбросил парадный китель прямо на обувную тумбу, оставшись в одной белой форменной рубашке, и рванул на кухню. — Я открываю все окна настежь. Твоя задача — ликвидировать все следы твоего сладкого преступления.

— Мой миксер! — я ворвалась на кухню следом. — Мой планетарный миксер весит пятнадцать килограммов, куда я его спрячу?! В холодильник он не залезет!

— Тащи его в гостевую спальню! Под кровать! Живо! — рывкнул майор, с треском распахивая панорамное кухонное окно. Октябрьский ледяной ветер ворвался в помещение, заставив шторы дико забиться.

Я подлетела к столешнице, обхватила свой драгоценный блестящий миксер обеими руками, кряхтя от тяжести, и поволокла его в коридор. Мои бедра в узких пудровых брюках совершали не самые грациозные маневры, и на очередном повороте я знатно приложила коленом об угол комода.

— Ай! Черт бы побрал эту вашу ведомственную планировку! — взвыла я, заталкивая аппарат под покрывало гостевой кровати. — Глеб Юрьевич, тут на полу в коридоре след от муки! Белый! Как дорожка в Альпах!

— Тряпку возьми! — донеслось из кухни, сопровождаемое грохотом кастрюль. — И три так, будто от этого зависит твоя жизнь. Потому что моя карьера от этого точно зависит!

Я упала на колени прямо в своем дорогом пудровом костюме, схватила первую попавшуюся тряпку и принялась ожесточенно тереть дорогой паркет. Сзади слышались тяжелые шаги. Я обернулась и увидела Глеба, который волок из кухни огромный пакет с мусором, где сиротливо поблескивали пустые пачки из-под маскарпоне и обрезки теста.

— Леонова, ты как клининговая служба — полное недоумение, — проворчал он, оценив мою позу. — Кто так трет? Ну-ка подвинься.

Он бесцеремонно отодвинул меня бедром, перехватил тряпку своими ручищами и в два мощных движения ликвидировал мучной след. Белая рубашка на его спине натянулась, готовая лопнуть на лопатках.

— Я нормальная клининговая служба! — оскорбилась я, поднимаясь на ноги и пытаясь стряхнуть с коленок пыль. — Это у вас паранойя! Ну пахнет ванилью, и что? Может, у вас освежитель воздуха такой! «Альпийский десерт» называется!

— Ага, и этот освежитель оставил тридцать металличе-

ских кондитерских колец в раковине? — Глеб поднялся, швырнул тряпку в ведро и уставился на меня сверху вниз со злостью. — Я их еле успел в посудомойку запихать и включить режим термоядерной очистки. Если инспектор откроет дверцу, я скажу, что это мои новые тактические кастрюли.

— Да делайте вы что хотите! — я сердито уперла руки в бока, чувствуя, как адреналин выжигает последние остатки вежливости. — Ваша Наденька — просто мстительная фурия! Если бы вы нормально общались со своим начальством и его неадекватным потомством, нам бы сейчас не пришлось играть в партизан на кондитерском складе!

— Моё общение с начальством тебя вообще волновать не должно, Леонова! — Глеб сделал шаг ко мне, сокращая расстояние до минимума. Его глаза полыхали настоящим, яростным серым огнем. — Ты притащила в мой дом, устроила здесь филиал хлебозавода, подставила меня под генеральский гнев, а теперь еще и права качаешь?! Скажи спасибо, что я тебя еще на плацу не сдал этой «фурии» вместе с твоими коробками!

— Ах, так надо было сдать?! — я подалась вперед, едва не утыкаясь носом в его широкую грудь. — Надо было сдать, майор?! Поехали бы сейчас в загородный клуб, пили бы там шампанское, смотрели бы на безупречный Надин маникюр! Что же вы со мной-то возитесь, раз я такое тотальное недо-разумение?!

— Потому что я дурак, Леонова! — рывкнул Глеб, и его

пальцы мертвой хваткой вцепились в мои плечи.

Мы оба тяжело дышали, буравя друг друга яростными взглядами. Напряжение между нами звенело так, что, казалось, сейчас лопнут лампочки в коридоре. Это была чистая, концентрированная злость, замешанная на каком-то диком, неправильном притяжении, которое мы оба упорно пытались отрицать. Он сжимал мои плечи слишком крепко, а я... я почему-то даже не думала вырываться.

В этот самый момент в тишине квартиры раздался резкий, требовательный звонок в прихожую. Дверной звонок.

Мы синхронно вздрогнули. Глеб медленно разжал пальцы, отступая на шаг. На моей пудровой блузке остались отчетливые замятины от его рук.

— Пришли, — тихо, пугающе спокойно произнес майор, мгновенно возвращая себе маску ледяного профессионала. Он быстро поправил рубашку, провел рукой по волосам и повернулся ко мне. — Так, утка. Уходи в гостиную. Сядь на диван, возьми в руки какую-нибудь умную книгу и делай вид, что ты здесь просто мимо проходила. Говорить буду я. Если откроешь свой кондитерский рот без моей команды — лично выкину в окно. Настоящий кондитерский десант устрою. Поняла?

— Поняла, товарищ сухарь, — огрызнулась я, но послушно ретировалась в гостиную.

Глеб глубоко вздохнул, расправил плечи и пошел открывать дверь.

Я пристроилась на краю кожаного дивана, схватила с журнального столика какой-то тяжелый глянцевый журнал про пожарную технику и уставилась в него со всей серьезностью, на какую была способна. Сердце в груди колотилось как сумасшедшее.

Из прихожей донеслись голоса. Сухие, официальные, неприятные.

— Майор Громов? — раздался строгий мужской голос. — Инспектор городского управления санэпидконтроля Васильев. И капитан пожарного надзора Смирнов. Нам поступил экстренный сигнал о грубых нарушениях эксплуатации жилого фонда и организации незаконного пищевого производства по данному адресу. Мы обязаны провести осмотр помещений. Извещение от руководства у вас на электронной почте.

— Проводите, товарищи инспекторы, — ледяным тоном отозвался Глеб. — Моя квартира всегда открыта для проверок. Только разуться не забудьте. У меня тут... стерильно. Почти как в морге.

Я затаила дыхание. Комиссия переступила порог нашего временного убежища. Битва за «Наполеон» официально началась.

Глава 15. Запах преступления и тактический отпор

Инспекторы заходили в квартиру с таким видом, словно надеялись обнаружить здесь как минимум подпольную лабораторию по производству гексогена. Или, что в контексте Надиной мести было куда хуже, склад нелегальных пирожных.

Первым в коридор ступил сухопарый мужчина в сером костюме с кожаной папкой под мышкой — тот самый Васильев из санэпидконтроля. У него было лицо человека, который искренне презирает всё живое, а в особенности — малый бизнес. За ним шёл капитан пожарнадзора Смирнов. Этот выглядел помягче, но усердно хмурил брови, стараясь соответствовать важности момента.

Глеб закрыл дверь и встал позади них, скрестив руки на груди. В своей белой форменной рубашке с закатанными рукавами он выглядел настолько внушительно, что проверяющие невольно сбавили шаг.

— Ну-с, майор, — Васильев демонстративно потянул носом, шумно втягивая прохладный воздух, который сквозняком тянуло из распахнутых окон кухни. — В жалобе указано, что из вашей квартиры круглосуточно доносится удушающий запах гари, кондитерских эссенций и мучная пыль за-

бывает общую вентиляционную шахту. Однако сейчас я отчетливо чувствую... хм...

Он замолк, подозрительно пригнувшись к стойкому шлейфу бурбонской ванили, который упрямо не желал выветриваться из углов.

— Чувствуете запах элитного освежителя воздуха, товарищ инспектор, — ледяным тоном перебил его Глеб, даже не шелохнувшись. — Называется «Прованский вечер». Борюсь, знаете ли, с запахом сырости в ведомственном жилье. Есть какие-то нормативные запреты на использование парфюмерии для дома?

— «Прованский вечер», говорите? — Васильев сощурился, проходя глубже в коридор и заглядывая на кухню. — Больше похоже на кондитерский цех. Пройдёмте на пищеблок.

Я в гостиной на диване сжала журнал про пожарную технику так, что глянцевые страницы жалобно затрещали. Мои уши превратились в два чутких локатора. Послышались шаги комиссии, переместившиеся на кухню. Шаги Глеба следовали за ними с пугающей, размеренной неотвратимостью военного конвоя.

— Так, — раздался голос Васильева. — Поверхности чистые. Но почему у вас, майор, гранитная столешница такой площади? И... что это за агрегат в углу?

— Это кофемашина, — ровно ответил Глеб.

— А почему она шириной в метр и из неё торчат хроми-

рованные трубки? — занудствовал инспектор.

— Потому что я люблю хороший, профессиональный кофе. Регламент МЧС не ограничивает сотрудников в объемах потребления кофеина во внеслужебное время. Капитан Смирнов, у вас есть претензии к пожарной безопасности моей кофемашины?

— Э-э... — подал голос пожарнадзор. — Если проводка выдерживает и прибор сертифицирован, то нарушений нет. Глеб Юрьевич, а что с вентиляцией? Жалоба-то на задымление была.

— Вчера вечером у меня на плите сгорел кусок мяса, — без единого колебания соврал Глеб.

Я чуть не прыснула со смеху на диване. Мясо! Три коржа он обозвал куском мяса! Готовить умею, а вот внимательность меня подвела, каюсь. Задымило знатно. Окна открыл, вентиляцию включил. Соседи, видимо, излишне бдительные пошли. Или у кого-то просто обострилась гражданская позиция на фоне личных обид.

Последнюю фразу майор выделил голосом так четко, что даже до меня дошло: он прекрасно понимает, чьи уши торчат из этой проверки, и транслирует это инспекторам. Васильев, судя по звукам, недовольно зашуршал своей папкой.

— Допустим, — процедил санэпидконтроль. — А в посудомоечной машине у вас что? Почему она работает на максимальном режиме?

У меня внутри всё упало. Мои тридцать кондитерских ко-

лец!

— Стерилизую посуду после пригоревшего мяса, — отбрил Глеб. — Имею право. Товарищи инспекторы, если вы закончили осматривать мой холодильник и раковину, у меня в гостиной находится гостья. Не хотелось бы её утомлять вашим внезапным визитом.

— Гостья? — Васильев оживился, словно ищейка, почуявшая след. — Проверим гостиную. В жалобе было указано, что в производстве задействованы наемные лица без санитарных книжек.

Шаги направились в мою сторону. Я судорожно расправила плечи, натянула на лицо выражение абсолютной, высокомерной скуки и углубилась в чтение статьи про тактико-технические характеристики пожарного автомобиля «Урал».

В проеме гостиной показался Васильев, за ним Смирнов, а позади них, словно скала, вырос Глеб. Его взгляд на секунду скрестился с моим. В этом сером огне читалось четкое: *«Молчи, утка, иначе закопаю»*.

— Гражданка, как вас зовут?

— Леонова Влада Владимировна.

Васильев сверился со своими бумажками.

— Что вы делаете по данному адресу?

Я медленно, с демонстративной неохотой опустила журнал на колени, окинула инспектора ленивым взглядом карих глаз и приподняла бровь.

— Читаю про объем цистерны для пенообразователя, —

ровным, слегка капризным голосом ответила я, стараясь копировать интонации Наденьки, раз уж у нас пошла игра на её поле. — А что, в вашей службе теперь нужно брать письменное разрешение, чтобы посидеть на диване у мужчины?

Васильев от такой наглости слегка опешил. Он привык, что предприниматели перед ним лебезили и дрожали, а тут сидит девица в дорогом пудровом костюме и смотрит на него как на пустое место.

— Вы здесь проживаете? — строго спросил он.

— Я здесь нахожусь в гостях, — отрезала я. — Мой близкий друг, — я сделала акцент на слове «близкий», заметив, как у Глеба едва заметно дернулся уголок губ, — любезно предоставил мне убежище, пока в моей собственной квартире идет ремонт после... форс-мажора.

— А почему от вас пахнет ванилью и сахаром, гражданка Леонова? — Васильев сделал шаг вперед, буквально нависая надо мной. — И на вашем рукаве... белое пятно. Мука?

— Это пудра от Шанель, — соврала я, даже не моргнув глазом, и демонстративно стряхнула невидимую соринку с лацкана пиджака. — А пахнет от меня моим парфюмом. Если ваша служба снабжения не может позволить себе хорошую парфюмерию для сотрудников, это не повод устраивать мне допрос. Глеб Юрьевич, у вас всегда такие... невоспитанные коллеги?

Глеб сделал шаг вперед, мягко, но решительно оттесняя Васильева от дивана своим широким плечом.

— Васильев, — голос майора упал до опасного, вибрирующего регистра. — Проверка жилого фонда окончена. Фактов незаконного производства пищевой продукции в промышленных масштабах не обнаружено. Склад сырья отсутствует, наемных рабочих нет. В духовке пусто. Если у вас есть личные вопросы ко мне или моей гостье — оформляйте официальный вызов в управление. А сейчас — я прошу вас покинуть мою частную собственность. Нам пора отдыхать.

Капитан Смирнов из пожнадзора поспешно кашлянул и дернул Васильева за рукав:

— Юрич, хорош. Тут действительно ничего нет. Обычная бытовая ссора с соседями из-за дыма. Поехали, у нас еще три объекта на Васильевском.

Васильев несколько секунд тяжело дышал, буравя нас с Глебом злобным взглядом. Он прекрасно понимал, что его разыграли как по нотам, но предъявить было буквально нечего. Продукты уничтожены (точнее, сданы Аристархову), миксер под кроватью, а мука в мусоропроводе.

— Отчет будет направлен генералу Борисову лично, майор Громов, — сквозь зубы процедил инспектор, застегивая свою кожаную папку. — Особо отметят вашу... исполнительность и выбор компании.

— Всего доброго, товарищи инспекторы, — Глеб указал рукой на дверь.

Когда входная бронированная дверь наконец захлопнулась, а в коридоре стихли шаги комиссии, в квартире воцари-

рилась оглушительная тишина. Я медленно отпустила журнал, чувствуя, как адреналиновый бак окончательно опустел, оставляя лишь дикую, звенящую усталость.

Глеб вернулся в гостиную. Он медленно подошел к дивану, сорвал с себя верхние пуговицы рубашки, открывая вид на крепкую шею, и тяжело опустился рядом со мной, откинув голову на кожаную спинку.

— «Пудра от Шанель», значит? — глухо, с явной хрипотой в голосе произнес он, не открывая глаз. — Леонова, ты не просто катастрофа. Ты... прирожденная контрабандистка с элементами актерского мастерства.

— Я спасала свою империю, майор, — я устало повернула к нему голову, разглядывая его суровый профиль в лучах полуденного солнца. — И вашу карьеру, между прочим. Если бы они нашли миксер, вам бы точно несдобровать. Так что мы квиты. Один-один.

Глеб медленно открыл свои серые глаза и повернулся ко мне. Мы сидели на одном диване, уставшие, взвинченные, злые друг на друга за этот безумный утренний стресс, но между нами снова, вопреки всей логике, заискрило так, что пахло реальным пожаром. Контакт глазами был настолько плотным, что я физически ощутила, как сокращается расстояние между нами.

— Ни черта мы не квиты, утка, — тихо, почти шепотом произнес майор, и его взгляд снова гипнотически опустился к моим губам. — Ты мне еще за кухню ответишь. В поне-

дельник. А пока... спать. Оба. Без разговоров.

Он резко поднялся, обрывая этот затянувшийся интимный момент на самом взлете, и ушел к себе в спальню, плотно закрыв дверь.

Я осталась сидеть на диване, кусая губы от досады и злости на саму себя. Сердце колотилось как сумасшедшее. Эта генеральская дочка явно объявила нам войну, но самое страшное было в другом: я поймала себя на мысли, что воевать на одной стороне с майором Грозовым — это лучшее, что случалось со мной за все мои двадцать шесть кондитерских лет.

Глава 16. Десерт без муки и новые вводные

Субботний вечер опустился на город незаметно, раскрасив небо за панорамными окнами в глубокие черничные тона. Я проснулась около семи вечера от того, что мой желудок затянул унылую кондитерскую арию. Сон без сновидений выветрил из головы остатки адреналинового кошмара, устроенного министерской дочкой, но оставил после себя дикую, звенящую пустоту внутри.

Я выползла из гостевой спальни, на ходу приглаживая свои вечно бунтующие каштановые кудряшки. В квартире царила полутьма и всё то же звенящее одиночество, нарушаемое лишь тихим гулом приточно-вытяжной вентиляции. Глеб, судя по всему, либо продолжал давить подушку в своей берлоге после двух суток ада, либо тихо ушел по своим суровым спасательным делам.

На кухне было пусто и стерильно, как в операционной. Гранит поблескивал в лучах далеких уличных фонарей, а матовая итальянская духовка отдыхала после ночного марафона.

— Ну уж нет, майор, — пробормотала я, упрямо курсируя между холодильником и шкафами. — «Полное недоразумение», говоришь? Ходячая катастрофа? Сейчас я докажу те-

бе, на что способен профессионал международного уровня, даже со связанными руками и завязанными глазами.

Правило номер один нашего пакта гласило: никакой муки. Что ж, вызов принят. Профессиональный шеф-кондитер может создать гастрономический оргазм и без единого грамма глютена. К тому же, в холодильнике после ночного безумия остался шикарный набор: свежие фермерские яйца, жирные сливки, плитки дорогого бельгийского горького шоколада и спелая, ароматная малина, которую я заказывала для декора тех самых пятидесяти «Наполеонов». А вот для того, что я задумала сейчас, шоколад подходил идеально.

Я решила приготовить классический французский фондан — шоколадное пирожное с жидкой, лавовой сердцевинкой. В его основе лежит только растопленный шоколад, сливочное масло, сахар и яйца. Мука там идет исключительно как связующий элемент в объеме одной столовой ложки, которую я с легкостью заменила на кукурузный крахмал, сиротливо отыскавшийся в недрах холостяцкого шкафа Глеба.

Я действовала бесшумно, как профессиональный ниндзя. Шоколад с маслом топились на водяной бане, наполняя кухню густым, терпким и невероятно уютным ароматом какао. Яйца взбивались миксером на самой минимальной, тихой скорости. Никакой пыли, никаких мучных сугробов. Стерильность была соблюдена на уровне лучших лабораторий мира.

Когда я разливала шоколадное тесто по маленьким кера-

мическим формочкам, за моей спиной раздался тихий, едва уловимый шорох.

— Леонова, ты опять за свое? — раздался из темноты коридора низкий, хриплый после сна бас Глеба.

Я вздрогнула, едва не выронив лопатку, и резко обернулась. Майор стоял в проеме, прислонившись плечом к косяку. На нем были только свободные серые домашние брюки. Мокрые после душа волосы были взъерошены, а на широкую грудь падала тень от кухонной подсветки. Экскурсия по его прессу, может, официально и была закрыта, но смотреть на эту анатомическую безупречность без замирания сердца было физически невозможно.

— Правило номер один не нарушено, товарищ майор! — гордо заявила я, демонстрируя ему абсолютно чистую столешницу. — Никакой муки. Никакого сахара на полу. Чистый профессионализм и капелька французской магии.

Глеб медленно подошел ближе, бросая оценивающий взгляд на формочки, а затем на меня. Его серые глаза в полумраке казались почти черными, а градус напряжения между нами, который утих после дневного сна, снова начал стремительно ползти вверх. Мы стояли в метре друг от друга, и я отчетливо чувствовала жар, исходящий от его тела после горячего душа.

— Французской магии, говоришь? — вкрадчиво переспросил он, делая еще один шаг. — И что это за контрабанда?

— Шоколадный фондан, — я сбалансировала на ногах, упрямо вскинув подбородок. — Внутри будет жидкий шоколад. Подается горячим. Специально для суровых спасателей, у которых замерзла душа после общения с генеральскими дочками.

На губах Глеба появилась убийственная усмешка. Он наклонился ко мне так близко, что его дыхание опалило мне щеку.

— Моя душа в полном порядке, утка. А вот твоя кондитерская наглость явно требует очередной эвакуации. Духовка уже разогрета?

— Разогрета, — прошептала я, внезапно забыв, как дышать. Его лицо было слишком близко. Я видела каждую крошечную темную ресничку, чувствовала запах его ментолового геля и терпкий аромат шоколада. Расстояние между нашими губами снова сократилось до какого-то несчастного, греховного сантиметра.

Дзинь! — кухонный таймер, установленный на разогрев, безжалостно разрушил этот интимный момент.

Глеб резко отстранился, шумно выдохнув сквозь зубы, и отвернулся к окну, пряча руки в карманы брюк.

— Ставь свои чашки, повариха. Посмотрим, насколько твоя магия съедобна.

Через семь минут фонданы были готовы. Я аккуратно перевернула формочку на тарелку, присыпала сверху крошечным количеством сахарной пудры (строго над тарелкой!) и

украсила композицию несколькими ягодами спелой малины.

Глеб сел за стол, подозрительно разглядывая маленькое шоколадное чудо. Он взял десертную ложку, аккуратно отломил край — и изнутри пирожного на тарелку лениво, красиво вытекла горячая, глянцевая шоколадная лава.

Майор отправил первый кусочек в рот и замер. Его глаза прикрылись, а жесткая линия челюсти заметно расслабилась. Профессиональный кондитер внутри меня победно запел: этот суровый спасатель был повержен окончательно и бесповоротно.

— Ну как? — я пристроилась напротив, подперев подбородок ладонями и с улыбкой глядя на него. — «Полное недоумение» справилось с задачей?

— Сносно, Леонова, — буркнул Глеб, но ложка в его руке мелькала с такой скоростью, что десерт исчез с тарелки ровно за тридцать секунд. Он отложил ложку, посмотрел на меня своим тяжелым, внимательным взглядом и тихо добавил: — Ладно. Признаю. Готовишь ты лучше, чем тушишь карамель.

Я довольно замурлыкала, но наш триумфальный гастрономический мир прервал резкий, настойчивый сигнал моего телефона. На экране высветилось сообщение от Аристархова.

Я быстро открыла мессенджер и почувствовала, как улыбка мгновенно сползает с моего лица, а внутри всё сковывает ледяной спазм.

«Леонова, срочно в Гранд-отель на Невском. У нас ЧП. Надя Борисова, дочка генерала, выкупила весь банкетный зал под свой день рождения на завтра и выставила ультиматум: либо мы убираем твои "Наполеоны" из всего меню сети, либо её отец аннулирует наши лицензии на три крупных объекта в центре. Аристархов».

Я медленно подняла глаза на Глеба. Вся легкость момента испарилась без следа.

— Глеб Юрьевич... — мой голос дрогнул. — Похоже, твоя фарфоровая кукла решила не просто проверить твою квартиру. Она решила полностью уничтожить мой контракт. И Аристархов, кажется, готов прогнуться.

Майор МЧС мгновенно изменился в лице. Гранитная маска вернулась на место за долю секунды, а его серые глаза потемнели до цвета грозового фронта. Он протянул руку и бесцеремонно забрал у меня телефон, быстро вчитываясь в строчки сообщения.

— Борисова, значит, — тихо, пугающе спокойно произнес Глеб, и на его щеках со страшной силой заходили желваки. Он швырнул телефон на стол и резко поднялся, направляясь в коридор. — Одевайся, Леонова.

— Куда? — я растерянно моргнула, поднимаясь вслед за ним. — Время девять вечера!

— В Гранд-отель, утка. Будем проводить экстренные спасательные работы на твоём коммерческом фронте. Раз уж эта девица решила поиграть в генеральские игры, майор Громов

покажет ей, как работает тяжелая артиллерия. Вызов принят.

Глава 17. Тяжелая артиллерия в Гранд-Отеле

Вечерний Невский проспект сиял миллионами неоновых огней, отражавшихся в зеркальных капотах застывших в вялотекущей пробке машин. Октябрьский ливень окончательно уступил место промозглому, чисто питерскому туману, который плотным саваном окутывал величественные колонны Гранд-Отеля.

Глеб вел свой огромный черный внедорожник с пугающей, ледяной уверенностью, с какой, должно быть, водят танки на полигонах. Он больше не шутил, не язвил и не называл меня уткой. Майор МЧС Громов полностью вернулся в режим «боевой тревоги». Его массивные пальцы жестко фиксировали руль, а профиль, подсвеченный зеленоватым сиянием приборной панели, казался высеченным из гранитной глыбы.

Я сидела рядом, нервно терзая ремешок своей сумочки. Мой пудровый костюм после дневных приключений на полу коридора выглядел уже не так безупречно, но мне было плевать. Внутри меня полыхало такое яростное, концентрированное пламя обиды и злости, что я была готова лично пойти на abordаж генеральского лимузина. Эта капризная блондинка Борисова решила растоптать мою мечту просто пото-

му, что почувствовала запах ванили из чужой машины? Ну уж нет. Я профессионал. Я пахала на эту репутацию годами, пока она выбирала цвет лака под цвет папиных погон.

— Глеб Юрьевич, а если Аристархов уже подписал отказ? — тихо спросила я, косясь на его суровое лицо. — Для него бизнес — это чистая математика. Три кофейни в историческом центре приносят больше, чем все мои «Наполеоны» вместе взятые. Если генерал нажал на рычаги, Аркадий меня сольет и даже не поморщится.

— Не сольет, — коротко, как отрезал, бросил Глеб, даже не повернув головы. — Аристархов — хищник. Хищники не любят, когда им указывают, из какой миски есть, даже если указывает целая генеральская дочка. Он маневрирует. И ждет, у кого первого сдадут нервы. Наша задача — сделать так, чтобы нервы сдали у Нади.

Внедорожник с визгом тормозов притерся прямо у парадного входа в отель, бесцеремонно заняв место под запрещающим знаком прямо перед носом у замершего швейцара в ливрее. Глеб заглушил мотор, резко переключил передачу и повернулся ко мне. Его серые глаза в полумраке салона полыхали опасным, стальным блеском.

— Слушай меня внимательно, Леонова, — его голос упал до низкого, вибрирующего регистра, от которого у меня по спине пробежал табун вполне осязаемых искр. — Заходим внутрь. Лишних движений не делать. Истерику не устраивать. Говорить буду я. Твоя задача — стоять рядом и изображать

из себя владелицу кондитерской империи, которую невозможно купить или запугать папиным телефоном. Поняла?

— Поняла, товарищ майор, — я упрямо вскинула подбородок, поправляя лацканы пиджака. — Лицо дорогой женщины на месте. Включаю режим максимального кондитерского высокомерия.

— Вот и отлично. Погнали.

Мы вышли из машины и стремительно направились к массивным стеклянным дверям. Глеб шел впереди, и его тяжелая, размашистая походка заставляла уважаемых гостей отеля инстинктивно уступать дорогу. На нем по-прежнему были парадные темно-синие брюки и белая форменная рубашка, верхние пуговицы которой он так и не застегнул. На его плечи была накинута тяжелая кожаная куртка, что делало сурового спасателя похожим на героя какого-то криминального боевика.

Банкетный зал Гранд-Отеля встретил нас хрустальным звоном люстр, блеском позолоты и удушающим ароматом живых белых роз. Зал действительно был полностью арендован под завтрашнее торжество. Несколько десятков декораторов сейчас лихорадочно монтировали огромную арку из цветов, а официанты расставляли на столах дорогуший фарфор.

В самом центре этого предпраздничного великолепия, за круглым столом, сидели двое.

Наденька Борисова, облаченная в шелковое изумрудное

платье, лениво потягивала коктейль через соломинку. Ее безупречный блонд был уложен волосок к волоску, а на лице блуждала маска абсолютной, сытой победы. Напротив нее, ссутулившись над чашкой остывшего черного кофе, сидел Аркадий Николаевич Аристархов. Его лицо-сфинкс сейчас выглядело серым от усталости, а холеные пальцы нервно постукивали по дорожному кожаному планшету с документами.

— Надя, это чистой воды шантаж, — долетел до нас ледяной голос гендиректора «Шоко-Латте», когда мы подошли ближе. — У меня контракт с Леоновой. Юридически чистый. Ее продукция делает нам тридцать процентов утренней выручки во флагмане за один день.

— Ой, Аркадий Николаевич, не делайте мне смешно, — капризно протянула блондинка, даже не поднимая глаз от своего бокала. — Контракты расторгаются за пять минут. Папа сказал, что, если эта повариха со своими уточками не исчезнет из вашего меню до завтрашнего утра, у ваших заведений на Невском найдут такие нарушения пожарной безопасности, что вы закроетесь до конца года. Выбирайте: или ваши амбиции, или ваш бизнес. Глебчик должен понять, что у его капризов есть цена.

— Цена есть у всего, Надежда Владимировна. Но у некоторых вещей она слишком высока для вашей семьи, — раздался над залом низкий, рокошующий бас Глеба.

Надя вздрогнула, едва не выронив соломинку, и резко подняла голову. Ее безупречно накрашенные глазки округ-

лились от шока, когда она увидела майора Громова, уверенно шагающего прямо к ее столу. А когда ее взгляд перевелся на меня, стоящую чуть позади него со скрещенными на груди руками и выражением тотального превосходства на лице, блондинка и вовсе пошла пятнами под своим дорогим тональным кремом.

Аристархов при нашем появлении заметно выпрямился, и в его ледяных глазах впервые за вечер мелькнула живая, хищная искра облегчения. Бизнес-робот понял, что правила игры только что изменились.

— Глеб?! — Надя вскочила со своего стула, нервно комкая в руках шелковый платок. — Ты... что ты здесь делаешь? И почему ты притащил с собой эту... эту...

— Эту владелицу кондитерской сети, с которой у «Шоко-Латте» подписан эксклюзивный договор, Надежда Владимировна, — Глеб подошел вплотную к столу, оперся на него своими огромными ладонями и навис над генеральской дочкой так жестко, что она инстинктивно сделала шаг назад. — Значит так, Надя. Игра в папины погоны официально окончена.

— Ты не имеешь права так со мной разговаривать! — взвизгнула блондинка, пытаясь вернуть лицу маску высокомерия, но ее голос предательски дрожал. — Я всё расскажу папе! Он тебя сгноит в каком-нибудь провинциальном гарнизоне! Ты из дежурств вылезать не будешь! Твоя карьера окончена, Громов!

— Рапорт о моем переводе в Главное управление МЧС по Твери уже лежит у твоего отца на столе, Надя. Я подписал его час назад, перед тем как поехать в часть, — ледяным, пугающе спокойным тоном произнес Глеб.

У меня внутри всё оборвалось. Тверь? Рапорт о переводе? Я потрясенно уставилась на его широкую спину. *Подожди-те... он уезжает из города? Из-за меня? Из-за этого глупого конфликта?* Сердце сжалось в какой-то тугой, болезненный комочек, а весь мой победный настрой мгновенно испарился, уступив место глухому, давящему чувству вины.

Надя тоже замерла, переводя потрясенный взгляд с Глеба на растерянного Аристархова.

— Но это еще не всё, — Глеб медленно выпрямился, выудил из кармана куртки небольшую флешку и со стуком положил ее на стол прямо перед блондинкой. — На этой карте памяти — полная запись сегодняшней экстренной проверки в моей квартире. С аудио и видео. Там отчетливо слышно, как инспектор Васильев прямым текстом заявляет, что проверка проводится по личному, неофициальному указанию генерал-полковника Борисова в рамках «семейного дела». Как думаешь, Надя, что сделает служба собственной безопасности министерства и управление по борьбе с коррупцией, когда эта запись завтра утром окажется во всех профильных социальных сетях и на столе у министра? Твой папа вылетит со своей должности быстрее, чем твои подружки успеют допить шампанское на твоём дне рождения.

В банкетном зале воцарилась гробовая, удушающая тишина. Надя смотрела на маленькую черную флешку так, словно это была взрывчатка с запущенным часовым механизмом. Ее холеные щеки окончательно побледнели, а идеальный блонд уже не казался таким безупречным. Она поняла, что суровый майор МЧС только что разыграл против нее партию тяжелой артиллерии. И шансов выжить у генеральской карьеры ее отца не осталось вообще.

Аристархов медленно поднялся со своего места, и на его губах появилась тонкая, хищная улыбка сфинкса, который только что выиграл главный приз в лотерею.

— Что ж, Надежда Владимировна, — сухо произнес он, застегивая пуговицу пиджака. — Насколько я понимаю, инцидент с пожарной безопасностью наших кофеен полностью исчерпан? Лицензии остаются в силе, а наши «Наполеоны» продолжают радовать клиентов сети «Шоко-Латте»?

Надя ничего не ответила. Она лишь судорожно схватила свою дорожную сумочку со стола, и громко цокая своими шпильками по мраморному полу, пулей бросилась к выходу из банкетного зала, даже не обернувшись. Папина дочка проиграла этот раунд кондитерскому десанту со счетом ноль-три.

Аристархов повернулся к нам, уважительно кивнув Глебу: — Майор, мое предложение насчет должности начальника службы безопасности сети остается в силе. С двойным окладом. Вы умеете ликвидировать угрозы еще до того, как

они разгорятся.

— Спасибо, Аркадий Николаевич, но рапорт в Тверь уже зарегистрирован в канцелярии, — Глеб коротко кивнул бизнесмену, развернулся на пятках и пошел к выходу. — Леонова, за мной. Тебе еще цех искать.

Я покорно поплелась за ним, но внутри меня больше не было триумфа. Контракт был спасен, миллионы были на моем счету, но цена этой победы оказалась слишком горькой. Майор Громов уезжал. Уезжал из-за меня, из-за моей дурацкой карамели и уток. И эта мысль жгла меня сильнее, чем любой угарный газ на заклинившем балконе.

Глава 18. Тактический блеф и цена облегчения

Дверь внедорожника захлопнулась с глухим, тяжелым стуком, полностью отсекая нас от пафосного блеска Гранд-Отеля. В салоне снова воцарился родной аромат ванили, почти вытеснивший удушающий шлейф Надиных духов.

Глеб бросил флешку на консоль, завел двигатель и уверенно крутанул руль, выруливая на залитый огнями Невский. Он молчал. Лицо — гранит, пальцы жестко сжимают кожу руля, взгляд направлен строго на дорогу. Обычный майор Громов при выполнении боевой задачи.

А вот меня изнутри просто разрывало на куски. Все заработанные миллионы, контракт с Аристарховским сфинксом и победа над блондинкой померкли перед одной-единственной фразой, которая набатом стучала у меня в висках: *«Репорт о моем переводе в Тверь уже зарегистрирован»*.

— Тверь? — тихо, с трудом сдерживая дрожь в голосе, произнесла я, уставившись на его суровый профиль. — Вы серьезно, Глеб Юрьевич? Вы бросаете свою часть, свою карьеру в Питере, свою стерильную квартиру из-за... из-за меня? Из-за того, что я оставила на плите эту чертову карамель?

Глеб даже не повернулся. Только желваки на его щеках

заходили чуть быстрее.

— Леонова, прикрути фитиль, — ровно пробасил он. — Ситуация ликвидирована. Твой контракт в безопасности. Аристархов доволен. Тема закрыта.

— Да ни черта она не закрыта! — я сорвалась на крик, разворачиваясь к нему всем корпусом, насколько позволял ремень безопасности. — Хватит включать своего железного человека! Вы уезжаете из города! Из-за дурацкой мести генеральской дочки, которую я спровоцировала, когда села в вашу машину! Если бы я знала, что цена этого контракта — ваш перевод в провинцию, я бы швырнула этот «Наполеон» Аристархову в лицо! Зачем вы это сделали, майор?! Кто вас просил совершать этот благородный суицид?!

Внедорожник резко, с визгом тормозов притерся к обочине у набережной Фонтанки, едва не задев гранитный парапет. Глеб переключил передачу на паркинг, заглушил мотор и медленно, наводя ужас своим грозовым взглядом, повернулся ко мне.

В салоне повисла такая звенящая тишина, что было слышно, как остывает двигатель.

— Леонова, ты дура или просто притворяешься? — вкрадчиво, пугающе тихим голосом спросил он, приближаясь ко мне. — Ты реально поверила, что я добровольно откажусь от должности начальника караула в лучшей части города и уеду в Тверь, потому что одна взбалмошная утка не умеет закрывать балконные двери?

Я замерла со вдохом на полпути, глупо моргая карими глазами.

— В смысле?.. Но вы же сами сказали Наде... И флешка... И рапорт...

На губах Глеба медленно, дразняще лениво поползла усмешка, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— На флешке — пусто, Леонова. Там записан гимн МЧС России в исполнении нашего ведомственного хора и пара учебных лекций по первой помощи, — Глеб откинулся на спину, и в его глазах полыхнул чистый, неприкрытый азарт игрока, который только что сорвал банк. — А рапорт в Тверь... Я его в глаза не видел. Блеф, утка. Чистокровный тактический блеф. Наденька — дура, которая привыкла, что все перед папой трепещут. Она понятия не имеет, как выглядит зарегистрированный рапорт. Ей нужно было выкатить угрозу такого масштаба, чтобы она побежала спасать генеральское кресло своего отца, позабыв про твои торты. И она побежала.

Я смотрела на него, и внутри меня боролись два абсолютно полярных чувства. Первое — дикое, сумасшедшее облегчение, от которого захотелось прямо здесь, в машине, запеть вместе с его ведомственным хором. А второе — чистая, первозданная, термоядерная ярость шеф-кондитера, которого только что разыграли как первокурсницу на экзамене.

— Вы... вы... — я задыхалась от возмущения, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони. — Вы бессовест-

ный, черствый, самовлюбленный солдафон! Вы зачем надо мной так издевались?! Я тут уже мысленно паковала чемоданы, чтобы ехать за вами в эту Тверь и отрабатывать долг чести мучными сугробами! У меня чуть инфаркт не случился!

— Погоди, — Глеб вдруг резко подался вперед, перехватывая контроль над ситуацией. Его серые глаза сузились, а усмешка стала еще более хищной. — Что ты сейчас сказала? Паковала чемоданы, чтобы ехать за мной? В Тверь?

О боги. Леонова, держите меня семеро, я опять выдала коммерческую тайну собственного сердца.

— Я сказала «отрабатывать долг чести»! — пулей выпалила я, чувствуя, как лицо заливают густой, пылающий румянец. — Исключительно из чувства гастрономической справедливости! Никуда я за вами не собиралась! На кой черт мне сдался хмурый майор с топором?!

— Леонова, ты опять врешь, — Глеб сократил расстояние между нами до минимума. Его огромная ладонь легла на спинку моего сиденья прямо за моей головой, блокируя любой путь к отступлению. — «Пудра от Шанель», «Прованский вечер», а теперь еще и долг чести. Ты когда злишься, у тебя глаза становятся темными, как пережженная карамель.

— Моя карамель никогда не пригорает! — выдохнула я, упираясь ладонями в его широкую грудь.

Под моими пальцами снова была эта сумасшедшая, стальная плоть, а сквозь тонкую ткань белой форменной рубашки отчетливо пробивалось бешеное, быстрое биение его серд-

ца. Он тоже был взвинчен. Этот блеф в отеле, этот утренний стресс, эта ночная выпечка — мы оба были на пределе. Градус пикировки достиг той самой отметки, когда искры от злости превращаются в чистый, концентрированный бензин.

— Хватит спорить, утка, — тихо, почти шепотом пророкотал Глеб. Его взгляд намертво приковал мои губы, и в его глазах снова полыхнул голодный, первобытный огонь, который я так отчаянно пыталась забыть на его кухне.

Расстояние между нами исчезло. Он не стал спрашивать разрешения. Майор Громов просто наклонился и...

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.